

Драгутин
Малович

Рыжий кот

Издательство
"Детская
литература"

Цена 31 коп.

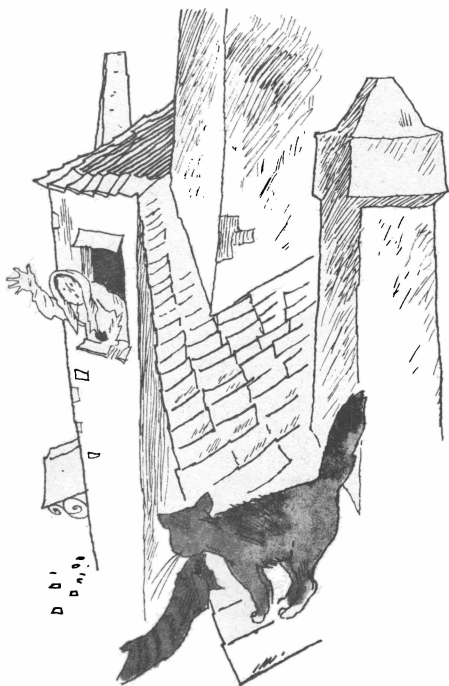

Драутин
Малович

Рыжий КОТ

Перевод
с сербохорватского
И. Макаровская

Рисунки
В. Чапля

Издательство «Детская литература» Москва. 1970

Dragutin Malović
RIDI MAČAK

Sarajevo 1967

Дорогие ребята!

Эта книга познакомит вас с творчеством современного югославского писателя Драгүтина Мáловича. Лирично и задушевно рассказывает автор о своём нелёгком детстве, об отце, коммунисте-подпольщике, о младших братьях и сёстрах. Действие повести происходит в Югославии в небольшом, расположенном на границе с Венгрией, городе Суботице, во второй половине 30-х и начале 40-х годов.

Часть первая

*

РЫЖИЙ КОТ

Я тебе рассказывал про Рыжего кота? Нет? Тогда слушай.

Рыжий кот был барон, а может быть, виконт или граф. Сейчас трудно установить его титул. Одно достоверно известно — он был рыжим. Именно это и отличало его от других котов. Ну и красавец он был — всем котам кот! Второго такого кота на всём белом свете не сыщешь. Уж ты поверь мне, сынок, и не слушай того, кто вздумает с этим не согласиться.

Мать его звали Анна-Мария-Розалия. Тебе смешно? Но я вовсе не шучу. Благородным кошкам всегда дают несколько звучных имён. И чем благороднее её происхождение, тем

больше у неё имён. Разумеется, у Анны-Марии-Розалии было ещё семь имён, просто я их забыл. Однако её хозяйка, высокородная графиня Алóйза Лéнер Хóфманстал, всегда называла кошку полным именем.

В середине тысяча девятьсот тридцать третьего года мы приехали в графское поместье. Графиня велела нам ждать её возле зámка — она желала взглянуть на нас. В назначенное время мы пришли к зámку, наивно полагая, что графиня выйдет к нам, но, видно, негоже графине якшаться с простыми людьми — во двор она не вышла, а только подошла к балкóну. Рядом с ней стоял бледнолицый щербатый мальчик, смотревший на нас столь же высокомерно, как и графиня. Тяжко, сынок, вспоминать эти взгляды, полные презрения, брезгливости и отвращения, которые, точно помои, выплёскивались на нас из высоких окон старинного замка графини Ленер Хофманстал.

— Таращится на нас, как на дохлых рыб, — сказала Милена.

— А графиня косая, — заметил Вита. — И мальчишка тоже.

Мать улыбнулась и тихо проговорила:

— Наверно, это у них семейное. Не то чем бы графы отличались от простых смертных?

Графиня долго наводила на нас лорнет в золотой оправе. Наконец взгляд её остановился на мне. Я смутился и, словно устыдясь самого себя, печально опустил голову.

Отец толкнул меня в спину:

— Ты что, оглох? Тебя зовёт графиня. Может, возьмёт на службу в замок.

По широкой лестнице я поднялся в покои графини. Я шёл словно во сне: кругом ковры, картины в золочёных рамах, столы, стулья, шкафы и кресла — всё сверкает позолотой. И среди этого блеска и роскоши в огромном массивном кресле, точно на троне, восседает большая толстая кошка.

— Как тебя зовут? — спросила графиня.

Я сказал. Графиня вздохнула и задумалась.

— Гм, гм... — заговорила она вдруг. — Пожалуй, я возьму тебя в услужение. Каждый день будешь водить на про-

гулку Анну-Марию-Розалию, а по средам и субботам будешь её купать.

Среди разбросанных по полу пёстрых подушек сидел мальчик, которого я незадолго перед тем видел в окне. Посмотрев из-под ресниц на графиню, он показал мне язык и весело рассмеялся. Я сделал вид, что не замечаю его.

— А кто эта Анна-Мария-Розалия? — поинтересовался я.

— Моя единственная радость, — ответила высокородная графиня Ленер Хофманстал, показывая на дремавшую в кресле кошку. — Не правда ли, она прелесть?

«Вот так кошка, — подумал я. — Целая лиса... Какая пушистая... А хвостике!» Когда я вошёл, она лениво открыла глаза, и мне почудилось, будто в них мелькнуло то же надменное выражение, с каким смотрели на нас графиня и мальчик.

Я сердито глянул на кошку, едва удерживаясь от искушения дать ей хорошего пинка. Но графиня иначе истолковала мой взгляд — она решила, что я пленён красотой Анны-Марии-Розалии, и сказала с нескрываемой гордостью:

— Чистая ангорская порода!

— Значит, я буду гулять с кошкой? — спросил я.

— Кошатник! Кошатник! Кошатник! — закричал мальчик.

Графиня погрозила ему пальцем, и он замолчал.

— Будешь гулять с ней по часу утром и вечером. Так предписал доктор Кальман.

Мне отвели крохотную, но очень уютную комнатку в правом крыле замка. В тот же день дядюшка Иштван сшил мне ливрею, какие носили все слуги графини. Вечером пришёл отец, он принёс мои книги и кое-что из одежды. Увидев меня в этом наряде, казавшемся мне парадным генеральским мундиром, он разразился гомерическим смехом.

— Забодай меня корова, если ты не рождён лакеем! Эта дура графиня сделала из тебя чучело гороховое! Повернись! Ха-ха-ха, сзади ты ещё смешнее!

— А где вы устроились? — спросил я, когда он прекратил свои насмешки.

— Тут поблизости. В одном роскошном бараке. Не стану описывать тебе все его прелести, скажу только, что на кры-

ше растут фиалки и подснежники. Словом, не жизнь, а малина — живём как в сказке. Да к тому же окон и дверей открывать не надо, потому что таковых вообще не имеется.

— Здесь хорошо, — грустно сказал я, — но я не привык жить один. Жаль, что я не с вами.

— Жаль, конечно. А впрочем, мы не за горами, барак наш у колодца. Заходи, когда поведёшь гулять эту чёртову кошку.

Незаметно пролетело несколько месяцев. Графиня Ленер Хофманстал была мною очень довольна. Вручая мне шёлковый поводок, она обычно говорила: «Немного на свете таких людей, кому бы я могла доверить своё сокровище». И, сощурив свои близорукие глаза, как бы добавляла, какая это для меня честь нежить и холить Анну-Марию-Розалию. Я ненавидел графиню не меньше, чем Анну-Марию-Розалию, и всегда старался поскорее покинуть её душные, пропылённые покои.

Итак, я терпеть не мог кошку и её хозяйку, но это ничуть не мешало мне ежедневно в одно и то же время выводить на прогулку Анну-Марию-Розалию по избранному графиней маршруту. Всей душой ненавидел я эту унижительную для меня службу. Однако она меня не слишком утомляла, и я мог часами сидеть за книгой или предаваться другим занятиям. Поэтому обязанности свои я выполнял терпеливо и безропотно. Между тем Анна-Мария-Розалия начала вдруг вести себя очень странно. Она ни за что не хотела идти на прогулку, а если к ней кто-нибудь подходил, то фырчала, выгибая спину, скалила зубы и выпускала когти, не делая исключения даже для сиятельной графини Ленер Хофманстал.

Не на шутку встревоженная графиня пригласила доктора Кальмана. Он прибыл в посланной за ним большой карете, запряжённой четырьмя рослыми белыми жеребцами.

Доктор Кальман был седой, сгорбленный старик, вечно жаловавшийся на ревматизм и другие недуги. Сейчас, после долгого пути по жаре, он был особенно брюзглив и раздражителен.

— Где пациентка? — крикнул он, едва выйдя из кареты. — Где больная кошка? Ты что, глухой? А ты, братец, пожалуй, вор! Того и гляди, влезешь в карман! Долго я буду

стоять посреди дороги? Гм... гм!.. За тобой смотри в оба — не ровён час, лишишься ещё золотых часов. Знаю я вас, мошенников! Да води же меня, осёл!

Я отвёл его к графине. Он учтиво поклонился, поцеловал ей руку и начал извлекать инструменты из большой кожаной сумки, жалуясь на свои хвори и немощи и на все лады кляня лето и пыльные сельские дороги. Потом он подошёл к Анне-Марии и стал её осматривать. Графиня внимательно следила за каждым его движением.

— Ну что? — нетерпеливо спросила она. — Надеюсь, ничего серьёзного?

— Поздравляю, поздравляю! — воскликнул доктор, подходя к графине и протягивая ей руку. — Скоро у вашей прекрасной кошки появятся котята!

Но графиня не выразила никакой радости.

— Что?.. — едва слышно пролепетала она. — Невероятно... Ничего не понимаю...

Вдруг графиня повернулась ко мне и, гневно сверкнув глазами, начала щедро награждать меня пощёчинами и подзатыльниками, после чего кулаки её загуляли по моей спине.

— Злодей, злодей! — кричала она в ярости. — Для того я тебя кормила и одевала? Ты совсем не смотрел за ней! Осёл, дубина, болван...

Тут она рухнула на пол.

Доктор Кальман склонился над ней и приоткрыл ей веко.

— Ничего страшного, — сказал он. — Приступ истерии. Скоро придёт в себя. — И, поманив меня пальцем, шёпотом спросил: — Позволь-ка полюбопытствовать, чем ты досадил графине?

— Я каждый день водил на прогулку Анну-Марию-Розалию, — ответил я, глотая слёзы. — Клянусь вам, я не отходил от неё ни на шаг! Я тут ни при чём.

Доктор Кальман погладил меня по голове:

— И всё же тебе лучше не ждать, пока графиня очнётся. У бедняжки не все дома, но это не помешает ей задать тебе хорошую порку. Так что дуй-ка отсюда со всех ног.

Я мигом добежал до лачуги на хуторе и рассказал отцу о случившемся. Он равнодушно пожал плечами.

— Кошки для того и существуют, чтоб приносить котят.

И этому не помешает ни графиня Ленер, ни граф Чано, ни даже сам господь бог! Впрочем, посмотрим, как пойдут дела. Хочешь верь, хочешь нет, но я чертовски любопытен.

Через несколько дней графиня прислала нам со слугой письмо, в котором заявляла, что мы не заслуживаем её милостивого внимания и потому она просит нас покинуть её имение. «При сём сообщаю вам, — писала она дальше, — что Анна-Мария-Розалия родила двоих котят, один из которых тут же сдох. Второго, рыжего котёнка, посылаю вам — делайте с ним что хотите. Сиятельная графиня Алойза-Кристина Ленер Хофманстал».

— Ну и чудеса! — рассмеялся отец. — Теперь в нашей семье есть граф.

Мы погрузили свой скарб на телегу и в тот же день двинулись в путь через Тиссу.

НА ТИССЕ

Рассказать тебе про Рыжего кота? Да? Ну слушай.

Итак, в прошлый раз я остановился на том, как мы переправлялись через Тиссу. Трудный это был путь, сынок. Много часов ехали мы вдоль берега в тщетной надежде найти мост, чтоб переправиться на ту сторону, в Бачку. Местами Тисса разлилась так широко, что нам приходилось огибать огромные поймы, над которыми поднимался пар и раздавался утренний переклик обитавшей здесь птицы. Как зачарованные любовались мы этим прекрасным зрелищем.

— Вид тут, конечно, дивный, сказочный, волшебный, — с улыбкой проговорил отец, — но нам нужен мост.

Наша телега равномерно покачивалась, навевая на нас лёгкий сон. Временами мы просыпались и с удивлением замечали перед собой тот же самый пейзаж: слева по-прежнему катила свои волны синевато-зелёная Тисса, а справа тянулась безбрежная равнина, на которой, точно грибные шляпки, рдели красные кровли домов. Всё это огромное пространство было безлюдно, и мы тщетно старались заглушить шутками и смехом щемящее чувство тоски и одиночества.

Только к полудню попался нам крестьянин с косою на плече.

— Скажи-ка, приятель, есть тут поблизости мост? — поздоровавшись, спросил отец.

Крестьянин окинул нас недоверчивым взглядом.

— Говорят, есть возле Канижы.

— Ух, брат, да ведь до Канижы целых сто километров!

— Говорят, что побольше будет, — не моргнув глазом заявил крестьянин.

Отец поблагодарил его, и мы снова тронулись в путь.

— Таких болванов следовало бы сдавать в музей, — сердито проворчал он, когда мы немножко отъехали. И, с минуту помолчав, добавил: — Чёрт меня поberi, если нам не придётся тащиться в Канижу!

— Как-нибудь доберёмся, — сказала мать. — Мы уже привыкли.

— Да я не о вас пекусь, а о господине графе!

Словно поняв, что речь идёт о нём, Рыжий кот мяукнул. Ах, какой у него был дивный голос! Как у львёнка или тигрёнка.

Мы с восхищением посмотрели на нашего красавца. Он мяукнул ещё раз.

— Спасибо, ваше сиятельство! — сказал отец, снимая шапку и сгибаясь перед ним в поклоне. — Спасибо.

— Есть хочется! — захныкал мой маленький брат Лазарь. — Дайте поесть.

— Поешь, когда придёт время, — сказал отец.

— А когда придёт время?

— Когда будет еда. А сейчас ложись и спи. Или полюбуйся рекой. Делай что хочешь, только не думай о еде. Тогда забудешь про голод.

— Папа, а ты здорово умеешь разговаривать с малышами, — заметил я.

— Начал учиться, когда ты появился на свет, — сказал он и легонько щёлкнул меня по лбу. — А потом ежегодно расширял свои познания.

Я рассмеялся. Отец взглянул на меня и тоже засмеялся, но как-то невесело.

— Над чем смеёшься, маленький мудрец?

— Правда, у нас чудная семья?

— И большая. И бедная. И упрямая, и неугомонная... Видишь, если постараться, то можно о ней кое-что порассказать.

Уже много лет подряд семья наша скиталась по Сербии, следуя какому-то странному плану, известному только отцу. Мы появлялись на свет во время этих скитаний, иногда прямо в телеге, в разное время года. Росли под солнцем и ветром, и перед глазами у нас вереницей проходили края, то улыбочивые и плодородные, то каменистые и мрачные.

Мы привыкли к путям-дорогам, и кочевой дух, впитанный с молоком матери, всегда манил нас в синие дали.

Переезды казались нам делом вполне естественным, и мы никогда не задавались вопросом, почему так должно быть. Тогда я впервые подумал об этом и сразу же ощутил во всём теле холодную дрожь.

Было около двух часов дня, когда мы увидели паром, привязанный к большому пню на берегу. Паромщик лежал на песке. Его лицо, руки и всё большое и могучее тело бы-

ли покрыты старыми газетами, которые качались на нём, точно на волнах.

— Из его носа так дует, что можно простудиться! — шепнул отец, склоняясь над ним. — К тому же он и рот закрыть забыл!

Мы засмеялись.

— Эй, сударь! — крикнул отец. — Сударь!

Но паромщик продолжал беззаботно храпеть, убаюканный ласковыми лучами солнца, пробивавшегося сквозь густой ивняк.

— Думаешь, он согласится перевезти нас бесплатно? — тихо спросил я.

— Может, у него доброе сердце, — ответил отец. — Сударь, сударь, проснитесь!

— А я и не сплю, — сумрачно буркнул паромщик и вынырнул из-под газет. — Чего вам? — Увидев нагруженную телегу, на которой сидели мать, братья и сёстры, он прибавил: — Три динара за телегу, по два за лошадей, по динару с каждого из вас, egy, kettő... kilenc, tíz...¹ Итого четырнадцать динаров!

— Немного, — усмехнулся отец. — При нынешней дороговизне просто даром! Я бы и двадцати не пожалел... — Тут он вздохнул, развёл руками и, взглянув на небо, снова обратил свой взор на паромщика. — Но у меня, милостивый государь, и гроша ломаного нет. Ни гроша, ни крейцера, ни сольдо, ни марьяша. Ничего! — И для вящей убедительности отец вывернул все карманы. — Вы когда-нибудь видели карманы пустее моих?

Паромщик тарашил на него свои большие глаза. Вдруг он заморгал и стал было снова устраиваться на песке, но отец так настойчиво тормозил его и уговаривал, что в конце концов он сдался. Сошлись на том, что вместо денег мы дадим ему кое-что из наших вещей.

Паромщик долго ходил вокруг телеги, рылся, высматривал, вынюхивал. Наконец пробурчал:

— Я возьму два стул и котёнок. Я люблю кошка.

Я задрожал. Отец тоже огорчился.

---

¹ Один, два... девять, десять... (венг.)

— Возьмите лучше ещё один стул, — предложил он. — Рыжий кот — граф, а кроме того, у моих детей нет других игрушек. Послушайте, сударь, возьмите все четыре стула, только оставьте нам Рыжего кота. Мы все любим этого дурашку.

Но паромщик не склонен был торговаться. Он презрительно махнул рукой, улёгся на песок и начал накрывать газетами.

— Отдай ему котёнка, Милутин, — взмолилась мать.

Паром оттолкнулся от берега и стал быстро пересекать реку. Обливаясь слезами, простились мы с Рыжим котом. Мы стояли на берегу до той поры, пока паром не вернулся на банатскую сторону и паромщик с двумя стульями на плечах и котёнком за пазухой не скрылся за высокой насыпью.

— Куда теперь? — озабоченно спросила мать.

Отец долго вглядывался в необозримую равнину Бачки. На лице его была написана тревога...

— Едем прямо, — сказал он, сияясь улыбнуться. — Прямая дорога — самая верная!

Он дёрнул поводья, и лошади тронулись. Я сидел на задке телеги и с грустью смотрел на Тиссу и на противоположный берег, куда жестокий паромщик увёз моего любимца. Увижу ли я его когда-нибудь?

НА ФЕРМЕ.

Через день мы прибыли на ферму, хозяина которой звали Лайош. А может быть, он был Янош? Помню только, что был он необыкновенно толстый, такой толстый, что не мог сам подняться со стула — ему помогали двое слуг. Я уверен, сынок, ты ещё не видывал такого толстяка! Я и сейчас ещё смеюсь до слёз, когда вспоминаю его пунцовое лицо, жабы глаза и огромные обвислые губы.

— Сударь, — обратился к нему отец со смиренным поклоном, — мы бедные люди и хотели бы у вас работать. Мы не переборчивы, согласны на любую работу.

Гáзда Лайош, или Янош, кивнул головой, а потом что-то пробормотал себе под нос.

Отец повернулся и устремил на нас вопрошающий взор.

— Кто-нибудь понял, что он сказал?

Мы все отрицательно мотнули головой.

— Гм... — произнёс отец, снова поворачиваясь к газде Лайошу, или Яношу. — По рукам, сударь, мы согласны.

— Ммм... — промычал газда Лайош, или Янош, тяжело вздыхая.

— Будете получать два динара в день, — перевёл нам слуга, стоявший по правую руку газды Лайоша, или Яноша. — Плата невелика, зато на харч у нас не жалуются.

— Это я сразу заметил, — сказал отец, глядя на хозяина. — А что мы будем делать?

— Ходить за свиньями! — вставил левый слуга.

— Всё? — удивился отец.

— Ага! — ответил правый слуга (по всему было видно, что он важнее левого). — Ферма большая.

— А когда мы будем получать эти два динара? — спросил отец.

— Szombat¹, — значительным тоном проговорил газда Лайош, или Янош.

Правый слуга перевёл:

— По субботам, после вечерней мессы.

— Он сказал только «по субботам»! — вмешался я. — А «после вечерней мессы» вы сами прибавили!

Отец бросил на меня довольный взгляд и улыбнулся.

— Наш хозяин, — заговорил левый слуга, — рассчитывается с батраками после вечерней мессы. Так повелось со времён Иштвана Фенеши и так будет до скончания века!

— Я не возражаю, — добродушно сказал отец. — Где мы будем жить?

Правый слуга кликнул со двора работника и, показав на нас пальцем, велел проводить нас к нашему жилью.

Телега медленно катилась по пыльной, ухабистой дороге. Отец погладил меня по голове и восхищённо произнёс:

---

¹ Суббота (венг.).

— У тебя, сынок, талант к языкам! Может, ты знаешь, что говорил газда Лайош, или Янош, в самом начале?

— Ещё бы! — самоуверенно воскликнул я. — Он сказал: «Мне нужен свинопас!»

— В жизни бы не додумался! — искренне сказал отец. — Чёрт бы его побрал, этого жирного борова!

— Кажется, нам здесь будет неплохо, — заметила мать, оглядывая возделанную равнину, с одной стороны окаймлённую молодым лесом, с другой — узеньким ручейком. — Мне здесь нравится.

— А что он ест? — спросил мой младший брат Лазарь, всегда занятый мыслями о еде.

— Сиротскую муку, — грустным голосом ответила мать.

— Хочу быть таким толстым, как газда Лайош, — решительно заявил Лазарь, не обращая ни малейшего внимания на печальное лицо матери и звучащую в её голосе грусть. — Если б я был таким толстым, мне бы никогда не хотелось есть!

— Ну, а вам здесь нравится? — обратился отец к моим сёстрам.

— Без Рыжика мне везде плохо, — проговорила сквозь слёзы Милена. — Нейдёт он у меня из головы, и всё.

— У меня тоже, — сказала Даша.

— А может, паромщик уже съел его? — предположил Лазарь.

— Люди не едят кошек! — авторитетно заявил Вита. — Не едят, не едят, не едят!

— А я бы съел и кошку, и крокодила, и дракона, и всё, что угодно, потому что мне хочется есть!

— Рыжика тоже съел бы? — спросила Милена и разревелась.

Лазарь задумался:

— Нет, его я не стал бы есть. А всех остальных съел бы!

Вскоре мы подъехали к маленькому белому домику на опушке леса. Отец спрыгнул с телеги, обошёл его вокруг и торжественно возгласил, что «это рай, а не жилище», и он надеется, что «господа будут довольны». Ну, а ежели сей приют им не по вкусу, он сию же минуту расторгнет контракт.

В сравнении с халупой в имении сиятельной графини Лернер дом этот выглядел настоящим замком, и потому восторг отца был вполне понятен. Провожавший нас работник показал на видневшиеся невдалеке небольшие загоны и велел завтра явиться к Михалю Рóже.

— Гм... — произнёс отец, с улыбкой глядя на меня. — Был ты кошатником, теперь станешь свинопасом. Как-никак повышение.

Мы разместились в нашем новом жилище, а назавтра все, кроме мамы и Лазаря, отправились на работу. Мы носили воду, наполняли корыта пойлом и отрубями и так к концу дня устали, что заснули, едва проглотив скудный ужин, за которым пришлось идти к хозяйскому дому. У котла с жёлтой мамалыгой стоял правый слуга и заносил в длинный список имена тех, кто уже получил еду.

Дни проходили незаметно, серые, унылые, однообразные. В редкие минуты отдыха я всё чаще думал о том, почему мы ведём кочевую жизнь, почему у нас нет своего угла, как у других людей? Мысль эта с каждым днём всё более врезалась в мою душу, наводя тоску и уныние.

Глядя на домашних, я с удивлением замечал, что они тоже как-то попритихли, перестали шутить и смеяться. «Отчего грустят Вита, Даша, Милена и Лазарь? — думал я, стараясь проникнуть в причину столь разительной перемены. — Не могут же они умирать из-за вечных скитаний?» И каково же было моё изумление, когда я узнал, что все они горюют по коту. А Лазарь, склонный к преувеличению, заявил даже:

— Я умру без Рыжика!

Накануне того дня, когда мы должны были получить расчёт за неделю, мать долго «тратила» эти деньги. Она была очень оживлена и всё время смеялась. Отец молчал, казалось, он не слушает её. Его задумчивый взгляд блуждал где-то за безбрежной равниной.

— Я уже всё распределила, — с воодушевлением говорила мать. — Даше купим платье, Лазарю — галоши, а Драгану, Милене и Вите — по карандашу и по тетрадке в линейку. Что ты на это скажешь, Милутин?

Отец по-прежнему молчал, только губы его тронула какая-то загадочная улыбка.

В субботу, лишь только колокол на сельской церквушке возвестил конец вечерней мессы, мы с отцом поспешили к дому газды Лайоша. Меня очень удивило, что мы поехали на телеге, но я не стал ни о чём спрашивать.

Правый слуга выплатил нам за шесть дней одиннадцать динаров вместо причитавшихся двенадцати. Отец накупился.

— Один динар — пожертвование на церковь! — объяснил левый слуга.

— Священник тоже не святым духом сыт, — добавил правый. — К тому ж пора заделать трещину на колокольне.

— Аминь! — сказал отец, кладя деньги в карман. — Пошли, сынок!

Кони понеслись во весь опор. Но везли они нас не к нашему домику на опушке леса, а совсем в другую сторону. Туда, откуда мы приехали, — к Тиссе.

— Папа! — воскликнул я, осенённый вдруг счастливой догадкой. Конечно же, он заметил, как тоскуют по Рыжему коту Вита, Даша, Милена и Лазарь, и потому был так мрачен и угрюм. — Папа, ведь мы едем за котёнком?

— Да, да, едем вызволять его из рабства! К чёрту платья, галоши, карандаши и тетрадки в линейчку! Сейчас нам дороже кошачий граф, добрый, умный Рыжий кот!

Рыжий кот очень обрадовался, увидев нас. Обрадовался и паромщик.

— Tizenegy? ¹ — сказал он, пересчитывая деньги. — Ну и ладно. Дам вам ваш деревянный стулья и ваш Рыжий кот за одиннадцать динар. Всё равно я не любит кошки!

Утром мы вернулись домой. Все с радостью кинулись к Рыжику. Милена гладила его, прижимала к себе и горячо целовала.

— Папа, мы никогда больше с ним не расстанемся? — спросила она.

— Нет, — ответил отец, — даже если нам придётся идти пешком до Канижы!

Только мама не разделяла общей радости и ликования. Вся как-то сникнув, она грустно сидела у окна, глядя на по-

---

¹ Одиннадцать (венг.).

ля, луга и молодой невысокий лес, тихо шумевший под лёгким дыханием ветерка. Много дней подряд мечтала она о том, чтоб у Даши было новое платье, а у Лазаря галоши, и потому долго не могла простить отцу, что он отдал тяжким трудом заработанные деньги за стулья, без которых мы прекрасно обходились, и за Рыжего кота, от которого и вовсе не было никакого проку. Временами, прикрыв лицо передником, она плакала горько и неутешно. Но, увидев, как все вокруг радуются возвращению Рыжего кота, она забыла про своё горе и от души веселилась вместе с нами.

— Ну... добро пожаловать, господин граф! — сказала она наконец. — Добро пожаловать!

А отец добавил, посмеиваясь:

— Эх, не жалко мне даже того динара, который я подарил церкви, раз мои дети так счастливы и веселы!

ОСЕННИЙ РАССКАЗ

Пришла осень. Ты знаешь, как бывает осенью. Дни становятся короче, небо хмурится, с деревьев опадают листья, улетают на юг птицы. Но в деревне, сынок, есть ещё и другое. Осенью поспевает кукуруза, и вся равнина золотится благоухающими початками, а среди них там и сям сверкают, точно маленькие солнца, спелые тыквы. Знаешь, какая бывает тыква, когда вырастет? Такая, что в неё могут войти телега, две лошади и кучер. Однажды, когда мы ещё жили в имении графини Ленер... Впрочем, об этом в другой раз. А сейчас слушай, что случилось осенью.

В один прекрасный день газда Лайош Фенеша велел всем скотникам собраться в церковном дворе. Он долго лопотал что-то по-мадярски, а когда кончил, правый слуга сказал нам:

— Вы оставите на время все свои дела и пойдёте убирать кукурузу. Работать будете с утра до вечера: господа метеорологи изволили сообщить из Пешта, что скоро зарядят дожди. Вы знаете, что и молодой господин Ференц...

Отец в это время разговаривал с дядюшкой Михалем. Он был единственным человеком на ферме, к кому я привязал-

ся всей душой. Дядюшка Михаль был страстным охотником и всё свободное время проводил в ближних заводях, охотясь на бекасов и фазанов. Сидит он, бывало, с ружьём на носу лодки, а я гребу себе потихоньку. А кругом такая тишь, прозрачный воздух дрожит и сверкает... Вдруг из камыша или осоки вылетает бекас, дядюшка Михаль стреляет, и я замираю от какого-то сладкого блаженства. В такие минуты во мне, должно быть, пробуждался дух далёких предков, которые вот так же скитались и охотились на широких паннонских просторах.

На охоте мы с дядюшкой Михалем не произносили ни слова. И, только пристав к берегу и усевшись где-нибудь в прохладной тени, заводили задушевную беседу. Дядюшка Михаль рассказывал мне о своей безрадостной молодости, отданной тяжёлому труду на разных фермах, о борьбе с жестокими помещиками, о большой забастовке, несколько лет тому назад всколыхнувшей всю Бачку.

— А знаешь, кто её организовал? — как-то спросил он. — Может, отец рассказывал?

— Нет, — ответил я и тут же подумал, что вряд ли он и сам о ней слышал: ведь мы в ту пору жили за добрую сотню километров отсюда.

— Эту забастовку батраков организовал мой сын Тибор Рожа! — гордо произнёс дядюшка Михаль, и по лицу его разлилась счастливая улыбка. — Потом жандармы схватили его и на целых четыре года уперли в каземат в Срёмской Митровице. Сейчас он в Суботице, рабочий в железнодорожном депо.

Он вытащил из кармана обёрнутый в тряпку бумажник и показал мне фотографию сына. Тибор был так похож на отца, что я принял его за дядюшку Михалья в молодости. Потом я часто всматривался в его весёлое и живое лицо и запомнил его на всю жизнь.

Не один я подружился с дядюшкой Михалем. Мой отец тоже проводил с ним много времени, а когда мать журила его за это, он, смеясь, говорил, что хочет выучить мадьярский язык и ему-де «необходима разговорная практика».

— Ну как сегодняшний урок? — подтрунивала над ним мама. — Что ещё выучил?

Дядюшка Михаль был костистый и высокий, как тополь, и мой отец, хотя он тоже был не маленького роста, смотрел на него снизу вверх, как смотрят на звёзды или луну. Сейчас — напомним тебе, сынок, что мы стояли на церковном дворе, — отец непрестанно говорил ему что-то, а дядюшка Михаль кивал в знак одобрения, повторяя со своей недоступной высоты: «Igen, Милутин... Igen, igen...»¹.

— Надеюсь, вы всё поняли, — закончил правый слуга. — Завтра приступаем к уборке урожая.

Дядюшка Михаль с отцом обменялись взглядами, кивнули друг другу головой, и дядюшка Михаль крикнул:

— А сколько нам будут платить?

Правый слуга и бровью не повёл.

— Завтра приступите к работе, — повторил он.

— Мы спрашиваем, сколько нам будут платить за уборку кукурузы? — крикнул отец.

По толпе скотников прошёл одобрительный гул:

— Правильно! Даром гнуть спину не станем!

Слуги подняли газду Лайоша. Он сказал, что всех нас очень любит и понимает, что сердце его рвётся на части при виде нашей нужды и бедности, но он в наших несчастьях не виноват и повысить нам плату на время уборки кукурузы не может.

— Почему? — крикнул отец.

Столь длинная речь утомила газду Лайоша, и вместо него ответил правый слуга:

— Кому мало, пусть уходит!

— Ах так?! — грянул гневный голос дядюшки Михалья. — Тогда убирайте её сами! Вы, господин Лайош, и молодой господин Ференц, и госпожа Гортензия, и старая госпожа...

Дядюшка Михаль с отцом повернулись и медленно пошли со двора. Почти все скотники двинулись за ними. Священник Ловро, стоявший на ступеньках перед церковной дверью, испуганно закрестился. А оттуда, где сидел господин Лайош Фенеши, вслед уходившим несло: «Пуф... пуф... пуф...»

---

¹ Да, да (венг.).

Отец, дядюшка Михаль и остальные скотники были уже довольно далеко, когда оба слуги закричали хором:

— Назад! Назад! Господин Лайош зовёт вас!

Отец глянул на дядюшку Михалья, протянул ему руку и весело засмеялся.

— Я знал, что этому зайке придётся уступить, — сказал он бодрым голосом и решительно зашагал обратно.

Увидев, что скотники возвращаются, священник Ловро ещё раз перекрестился и скрылся в церкви.

Поохав и повздыхав для порядка, газда Лайош заявил, что мы плохие христиане, не умеем ценить его любовь и заботу и вообще думаем только о собственной выгоде, тогда как он печётся обо всех нас. Тут глаза его оросились слезами, и он с трудом выдавил из себя:

— Однако ж будь по-вашему... Прибавлю вам по динару в день.

Но дядюшка Михаль так гневно крикнул что-то по-мадьярски, что газда Лайош вздрогнул и тотчас же накинул ещё динар. Битый час проторчали мы в церковном дворе, торгуясь с хозяином.

Меня всё это очень забавляло; я «болел», как «болеют» на спортивном состязании: то радуясь и ликуя, то дрожа и печальясь, когда любимая команда оказывается в трудном положении. Наконец газда Лайош согласился платить всем по пять динаров в день.

— Да здравствует дядюшка Михаль! — вдохновенно крикнул я.

Отец с дядюшкой Михалем посмотрели на меня с удивлением.

Вскоре церковный двор опустел. Довольные, скотники спешили сообщить своим жёнам радостную весть и до поздней ночи «тратили» ещё не заработанные деньги.

Последним в сопровождении многочисленных слуг ушёл газда Лайош. У ворот его ждал фиакр. Проезжая мимо нас, он хлестнул отца таким откровенно злобным взглядом, что я содрогнулся, но отец, как мне показалось, вовсе не обратил на него внимания.

— Попробуй тут не прибавить, когда тебе под нос суют кулак! — весело сказал отец, усаживаясь на телегу.

— Получишь ты эти деньги после дождичка в четверг! — сказала мать и, заметив пробежавшую по его лицу лёгкую тень, продолжала насмешливо: — Получишь, когда ивы принесут виноград, когда камень превратится в золото, когда у жабы отрастут рога! Тогда вот ты их и получишь!

Я смеялся украдкой. Сколько бы они ни ссорились, всё равно не рассорятся.

— Посмотрим! — сказал отец и взмахнул кнутом. Лошади побежали быстрее.

— Посмотрим! — сказала мать.

Возле дома нас ждала толпа придворных: Вита, Милена, Даша, Лазарь и Рыжик. Котёнок, весело мурлыкая, тёрся о наши ноги.

— Где вы были? — нетерпеливо спросил Лазарь. — Я чуть не умер с голоду!

— За синими морями, за высокими горами, — ответил отец. — Привезли тебе жареную индейку!

— Правда? — воскликнул Лазарь, и глаза его засияли.

— Да, — ответил отец. — Сорвали с одного дерева у дороги.

— А разве индейки растут на деревьях? — удивился Лазарь.

— В нашей стране растут, — произнёс отец. — Разве это не счастье в ней родиться?

Наутро мы отправились убирать кукурузу. Сначала всё шло хорошо, мы шутили, смеялись и пели. В полдень у меня заныла спина, а вечером, когда стемнело, я просто не мог разогнуться. И мама, и Вита, и Даша согнулись в три погибели: они шли, касаясь кончиками пальцев земли.

— Что мне с вами делать? — засмеялся отец. — Глядите-ка, всю мою семью скрючило.

— А теперь надо поужинать и ложиться спать! — звенел в вышине голос дядюшки Михалё. — Завтра будет легче. Лиха беда начало.

Дядюшка Михалё исчез в темноте. Мы медленно двинулись домой. Не дожидаясь ужина, я бросился на кровать. Котёнок свернулся клубком у меня в ногах. Глаза его светились точно маленькие зелёные огоньки. Вскоре они начали потихоньку гаснуть, и меня окутал непроницаемый мрак.

Я слышал, как скрипит колодец, как где-то в вышине курлычут журавли, как заливисто и сердито лают собаки, тоже напуганные внезапно сгустившейся тьмой. Засыпая, я думал о том, как тяжело весь день работать в поле. У меня ныли руки и ноги, а под лопаткой будто полыхал костёр. И всё же это не так страшно, когда у тебя есть дом, свой угол. Я неимоверно устал, но на душе у меня было легко и торжественно. Впервые в жизни захотелось мне остаться здесь навсегда; с этой сладкой мыслью в сердце я заснул.

Ночью мне приснился дивный сон. Ты не замечал, сынок, что самые прекрасные сны обычно видишь, когда устанешь до изнеможения? Не удивляйся тому, что сейчас услышишь: я видел во сне Рыжего кота. Я лежал на широоченной кровати. На стенах висели картины в золочёных рамах, пол был устлан коврами, а столы, стулья, шкафы и кресла сверкали позолотой. На массивном кресле, точно на троне, восседал Рыжий кот.

Я спал как убитый.

«Как изволили почивать?» — спросил меня Рыжик, когда я проснулся.

Я засмеялся — ну и чудило, задаёт такие смешные вопросы да ещё делает вид, будто мы с ним совсем не знакомы. Насмеявшись всласть, я ответил, что спал хорошо, если не считать небольшого беспокойства, которое причиняло мне кукурузное зерно под двадцатью восемью перинами. Мы оба расхохотались.

«Знаете ли вы, кто я такой? — спросил вдруг Рыжик. — Я кошачий король Барбаросса Первый!»

«Ты граф! — возразил я, дёргая его за усы. — Не заносись, пожалуйста, так высоко».

«Я король! Король! Король! Барбаросса Первый!»

«Хорошо, — уступил я, полагая, что я всё же умнее кота, кем бы он ни был. — Ты король. Прикажи подать мне сто тортов и сто плиток шоколада».

«Зачем вам столько сладкого?» — изумился Рыжий кот.

«Хочу швырять их, как в кинофильмах».

Рыжик хлопнул лапами, и в комнате появились несколько котов в чёрных фраках с белыми бабочками. Все они держали торты и шоколад. Хорошо зная нашего забав-

ника, я сначала осторожно надкусил их: а вдруг они не настоящие, а какие-нибудь деревянные или глиняные? Однако и торты и шоколад были настоящие, и я стал швырять их в окно.

Тут я проснулся. Я убедился в этом, ощутив ломоту в пояснице. Всё моё тело горело как в огне. Я попробовал подняться, но не смог. Рыжий кот открыл один глаз, посмотрел на меня и снова впал в дрему.

Мне стало жутко. Я пнул котёнка ногой. Он проснулся.

— Иди сюда! — тихо позвал я.

Рыжик лениво подошёл к моему лицу.

Ночь стала ещё чернее. Я пристально вглядывался в темноту, стараясь увидеть во дворе тополь и колодец, напоминавший в лунные ночи огромного аиста. Но всё поглотил густой, вязкий мрак. Тогда я прижал к себе котёнка и принялся ласкать его, прислушиваясь к беспокойным ночным шорохам — предвестникам дождя. В оконные щели, под дверь, через дымоход шёл в дом тяжёлый запах сухой земли. Вдохнув его, я опять подумал, что скоро польёт дождь.

Ломота в пояснице не утихала. Я всё крепче сжимал Рыжего кота и, поглаживая его по мягкой шёрстке, шептал ему что-то нежное и ласковое. Между тем в глубине моей души поднимался какой-то неопределённый страх. Я гнал его прочь — ведь рядом со мной спали отец, мать, братья и сёстры, и всё равно не мог освободиться от этого нелепого, непонятного страха. Вдруг мне послышались шаги за окном. Подумав немного, я решил, что это ветер гоняет по двору сухую ветку или трясёт на колодце цепь. Но тут блеснула молния, и я увидел подходивших к дому троих людей.

— Папа, папа! — кричал я, расталкивая отца. — К нам идут какие-то люди!

Не успел отец протереть глаза, как в дом наш вломились те самые люди, которых я только что видел в окошко. Все трое были вооружены длинными суковатыми палками.

— Нас послал газда Лайош! — прогремел в темноте голос правого слуги.

— Зачем пожаловали? — мрачно спросил отец.

Правый слуга приблизился к нему и вместо ответа ударил его палкой в грудь. Отец упал на кровать, но тут же

поднялся и так его двинул, что он пролетел через дверь и, как куль, рухнул наземь. Тотчас же к отцу подскочили двое других, сбили его с ног и принялись дубасить палками и кулаками. Мы с матерью попытались остановить их, но в эту минуту в дверях снова появился правый слуга. Он схватил нас своими огромными ручищами и отшвырнул в дальний угол. Тогда на помощь нам пришёл Рыжий кот. Он вспрыгнул правому слуге на плечо и стал так остервенело царапать его по лицу, что тот взвыл от боли. Однако слуга

был сильнее, и Рыжик вскорости оказался за дверью. Милена с рёвом кинулась за ним.

Изрыгая ругательства, трое слуг продолжали избивать отца. Они избили его до бесчувствия, выволокли во двор и бросили в телегу. Потом покидали в неё наш жалкий скарб, и правый слуга прорычал:

— Вон отсюда, воровские хари!

Он хлестнул лошадей, и они пустились во весь опор. Вита схватил вожжи и через некоторое время остановил телегу. Отец с трудом открыл окровавленные, подбитые глаза и сел. Мы с мамой поддерживали его.

— Славно они меня разделили, — сказал он, сияясь улыбнуться. — Ничего, я, как кошка, семижильный...

Он быстро повернулся и всмотрелся в темноту:

— А где котёнок?

— А где Милена? — испуганно крикнула мама.

В горячке мы совсем забыли о них. Мы с Витой нашли их во дворе под топодем. Милена держала на руках котёнка и шептала сквозь слёзы:

— Не бойся, кисонька, не бойся. Я тебя не дам в обиду. А когда вырасту, отведу газду Лайоша в лес, привяжу к дереву и оставляю там — пусть его растерзают серые волки...

Мы сели на телегу и поехали дальше.

— Кто был прав? — спросила мать и, вздохнув, прибавила: — Вот тебе плата Лайоша.

Отец молчал. Он поцеловал мать в щёку и положил голову ей на плечо.

Из тёмных низких туч полил холодный осенний дождь. Телега медленно катилась в ночи, а я с грустью думал о том, что никогда не забуду обиды, нанесённой нам газдой Лайошем и его слугами.

Как видишь, я её не забыл.

ПЕРЕЕЗД В ГОРОД

Наконец вдаль показался город. По правде говоря, сначала мы увидели какую-то высоченную башню, а уж потом крыши домов. При виде города всех нас захлестнула бурная

радость. Даже Лазарь, всю дорогу просивший есть, на миг забыл свой голод и восторженно воскликнул:

— Голод!

Мама посмотрела на него с тревогой, но, увидев его протянутый в сторону города пальчик, весело засмеялась.

— Ах, город? Он и вправду очень красивый!

— Мы будем там жить? — спросила Милена.

— Попытаемся, — ответил отец.

— А какой это город? — спросила Даша.

— Если штурман не сбился с курса, то должна быть Суботица. В противном случае, мы прибыли в Сёгедин, Пешт или в Вену. Поживём — увидим!

После того что случилось на ферме газды Лайоша, мы решили поселиться в городе. Отец долго советовался с матерью и со мной, а также с дядюшкой Михалем, который нашёл нас на другой день в одном селе неподалёку от фермы. Он пришёл проститься с нами. Вид у него был сокрушённый и подавленный, на глазах блестели слёзы.

— Ну и гнусы, — сказал дядюшка Михаль. — Помяните моё слово, не сойдёт им это с рук. Придёт время, заплатим им долг сполна.

Он с одобрением отнёсся к нашему решению переехать в город и, не задумываясь, дал адрес своего сына Тибора, который-де хорошо знает Суботицу и, уж конечно, поможет нам устроиться.

— Мы с Витой будем учиться! — радостно воскликнул я, вглядываясь в видневшийся вдали город. — Мы пропустили целых два года.

Мама заплакала. Она утирала слёзы краешком передника, но слёзы всё бежали и бежали из глаз.

— Что с тобой? — спросил отец.

— Хочу, чтоб мои дети ходили в школу...

— И из-за этого ты ревёшь?

— Не знаю, — ответила мать и заплакала пуще прежнего.

Отец взмахнул кнутом; Лебедь и Сокол ускорили бег. Рыжик открыл глаза и, увидев, что всё в порядке, снова уснул.

При въезде в город отец остановил телегу. Справа от дороги стоял большой железный указатель, на котором было написано название города.

— Читайте! — весело обратился к нам отец. — Государство для того и поставило указатели, чтоб народ не коснел в невежестве.

По складам, с помощью родителей мы кое-как прочли: Суботица. Лазарь захопал в ладоши и весело рассмеялся.

— Чего ты хохочешь? — спросил я.

— Какое смешное название — Суботица! Суботица! Суботица!.. Правда, Драган?

— А мне нравится! — заявила Милена.

— Смотри, папа, сколько церквей! — воскликнула Даша. — Раз, два, три...

— Надеюсь, они ещё не так прогнили, как на ферме газды Лайоша! — сказал отец. — Не то нас со всеми потрохами не хватит на их ремонт.

Это была последняя ночь, проведённая под открытым небом. Наутро мы с отцом отправились в железнодорожное депо искать сына дядюшки Михаля. Он был весь в саже и мазуте, лицо его уже утратило ту свежесть, которой веяло с фотографии, но всё же я его сразу узнал. Мы отрекомендовались, и отец, показывая на свои многочисленные синяки и кровоподтёки, шутливо прибавил:

— Знаете, я вконец разочаровался в сельской жизни!

Тибор дал несколько адресов, но тут же заметил, что квартиру нам никто не сдаст, если мы не заплатим за месяц вперёд: с тех пор как участились стачки и увольнения рабочих, домовладельцы стали очень осторожны и подозрительны.

— Спасибо, товарищ Рожа, — сказал отец уходя. — Когда снимем квартиру, позовём тебя на яблочный пирог.

Денег на квартиру не было, и отец решил продать одну лошадь. Выбор пал на Лебеда. Мы распрягли его и повели на скотный рынок. Покупатель нашёлся скоро — это был крестьянин из Оджака.

— Как раз то, что мне нужно, — сказал он отцу, отсчитывая деньги. — Хорошая лошадка и сильная...

— И умная, — прибавил отец, поглаживая лошадь по

влажной морде. — Не сердись на нас, дорогой, у нас не было выхода. Но поверь, мы тебя никогда не забудем. Ты служил нам верой и правдой, и горюшка с нами помыкал немало.

На глаза его набежали слёзы; я тоже заплакал. Крестьянин смотрел на нас с недоумением.

— Видать, любите вы своего конягу, — сказал он. — Приезжайте ко мне в Оджак. Я буду рад.

— Спасибо, непременно приедем в гости, — повеселевшим голосом заверил его отец.

— Приезжайте! Буду рад, — повторил крестьянин.

Мы распрощались и пошли искать квартиру.

— Слушайте, дети, — заговорил отец, останавливая телегу у колонки, из которой вода текла, когда поворачивали большое железное колесо. — Умойтесь, причешитесь — словом, приведите себя в порядок... Люди любят чистых и опрятных детей. Поняли?

— И помалкивайте, — посоветовала мать. — Люди не любят болтливых детей.

— Сидите смирно на телеге, не толкайтесь, не смотрите по сторонам, — сказал отец. — Люди любят смиренных и послушных детей.

— А уж если вам приспичит поговорить, то говорите друг другу «спасибо, пожалуйста, извините», — наставляла нас мать. — Люди любят хорошо воспитанных детей.

Мы долго и шумно мылись и чистились. Наши звонкие голоса и смех неслись по всей улице. Прохожие бросали на нас недоуменные взгляды.

— Никак, циркачи или комедианты приехали, — сказала какая-то старушка. — Может, у вас есть дрессированные львы?

Вита распустил свои густые волосы, встал на четвереньки и громко зарычал:

— Бр-бр-бр!..

Старуха пришла в неопиcуемый восторг.

— Рычит, как настоящий лев, — объясняла она случайной попутчице. — Я была в зоологическом саду в Пеште и своими ушами слышала, как рычат львы — в точности так же, как этот мальчик! Вот увидите, вечером на представлении он нарядится в львиную шкуру!

Старуха ушла, а мы продолжили свои приготовления. Сначала подстригли ногти, а потом мать извлекла откуда-то пузырёк орехового масла и всем нам смазала волосы. Снова и снова оглядывала она нас с головы до пят, обходила вокруг, как генерал на смотре, каждый раз находя какую-нибудь мелочь, которую нужно было исправить. Примерно через час она нашла, что всё в порядке.

— Боже правый! — воскликнула она, радостно всплеснув руками. — Вот не знала, что у меня такие красивые дети!

Вскоре мы подъехали к одному дому на Пупиновой улице. Отец сошёл с телеги и, взглянув ещё раз на адрес, позвонил. Где-то далеко, за большой дверью, глухо зазвенел медный колокольчик.

Нам открыла сгорбленная, закутанная в шаль женщина. Вот она подняла голову, и мы увидели её рябое веснушчатое лицо. А маленькие, глубоко посаженные глазки блестели каким-то недобрым блеском. Рыжий кот выгнул спину и яростно зарычал.

— Извините за беспокойство, милостивая сударыня, — сказал отец. — Мы хотели...

— Это ваши дети? — грубо перебила она.

— Вроде мои, — засмеялся отец.

— Они хорошие и послушные? — спросила женщина, недоверчиво меряя нас своими острыми, ненавидящими глазами.

— Смирные, как овечки. Живут в ладу, не дерутся, как другие...

В эту самую минуту Лазарь дёрнул Милену за косичку. Она взвизгнула, мигом обернулась и вlepила ему звонкую пощёчину. Лазарь разревелся и заорал во всю мочь:

— Спасибо... Пожалуйста... Извините...

А Вита, всегда молчаливый и замкнутый, громко заметил:

— Да она просто баба-яга!

Хозяйка быстро вошла в дом и захлопнула за собой дверь.

— Сударыня!.. — крикнул отец, потом повернулся и сердито бросил Вите: — Осёл!

Отец взял с нас слово, что такой спектакль больше не повторится, и мы поехали по другому адресу. Мы сидели на

телеге, неподвижные и притихшие. Но стоило только домо-
владельцам увидеть, сколько нас, как у них находились ты-
сячи предлогов для отказа. Один хозяин, сделав озабочен-
ное лицо, заявил, что квартира сырая и для детей не годит-
ся; другой — что двор маловат и нам-де негде будет играть;
третий — что в доме полно мышей. Сколько мы ни тверди-
ли, что мыши нам не помеха, что у нас, кстати сказать, есть
кот, который не преминет полакомиться такой свежатинкой,
хозяин упорно повторял:

— Мыши есть, мыши... мыши...

— Ну что ж, — вздохнул отец, утомлённый его тупым
упрямством, — оставьте своих мышей при себе.

А мама тихо прибавила:

— Дай бог, чтоб мыши отгрызли вам уши!

— Может, мы попали в сказку? — предположил отец. —
В страну жестоких, бессердечных людей...

Было уже совсем темно, когда мы, усталые и поникшие,
подъехали к улице Пáйи Куйу́нджича. Это был последний
адрес из тех, что нам дал сын дядюшки Михалы.

Путь наш лежал мимо церкви.

— Послушай, боже, — фамильярным тоном обратился к
нему отец, — мог бы ты и для нас что-нибудь сделать. Ведь
тебе это ничего не стоит.

Он возвёл очи горе и, словно услышав оттуда ответ, по-
просил:

— Повтори, пожалуйста, не расслышал я, далеко ведь.
Говоришь, поможешь нам? Очень мило с твоей стороны...

Мы немного оживились.

— Подумаешь! — беззаботно воскликнул отец. — Не
найдем квартиру сегодня, найдем завтра или послезавтра.
Главное — не вешать нос.

— Мудрые твои слова, — иронически заметила мать. —
Только от этого нам лучше не станет.

— Как бы там ни было, перед нами уже третий дом, —
сказал отец. — Третье счастье!

— Не третий, а пятый, — поправила его Даша.

— Тем больше шансов на успех! — как из пулемёта вы-
палил отец и дёрнул звонок.

Прошло несколько минут, но никто не появлялся.

— Папа, можно, я позвоню? — попросил Лазарь.

— Ради бога! Отчего не поиграть, коли дом пуст.

Отец взял Лазаря на руки и поднёс к двери. Лазарю так понравилось это занятие, что, будь его воля, он бы трезво-ниш до утра.

— Хватит! — сказал отец. — Оставь чуток на завтра.

Он поставил Лазаря на землю и взялся за большую медную ручку. Дверь была не заперта. Довольно мрачные сени вывели нас во двор.

— Эй, кто здесь есть? — крикнул с порога отец.

В ответ ни звука. Отец повторил свой вопрос, опять никакого ответа. Тогда мы ступили во двор и направились к росшей у забора липе. Уже подходя к ней, мы разглядели в темноте кончик зажжённой трубки, потом трубку и, наконец, человека, курившего эту трубку. У него было круглое, как луна, лицо, длинные усы и только одно ухо.

— Мы пропали, — горестно прошептал отец. — Если все с обоими ушами были к нам глухи, то уж этот и подавно нас не услышит!

— Что вам надо? — послышался голос одноухого.

— Мы ищем квартиру... — неуверенно начал отец. — Мы хотели...

— Дети у вас есть? — неожиданно спросил человек с трубкой.

— Дети? — встрепенулся отец. — У меня нет ничего другого. Бог, щедрый к беднякам, послал мне пятерых.

— Правда? — приветливо сказал курильщик, открывая свои гноящиеся глаза. — Приведите их сюда.

Отец выстроил нас посреди двора. Человек с трубкой долго смотрел на нас и довольно улыбался.

— Говорите, Тибор Рожа дал вам адрес? — заговорил он наконец.

— Да, сударь, — серьёзно ответил отец.

Я даже уловил в его голосе какую-то новую, покорную интонацию.

Хозяин раздумывал. Вдруг он улыбнулся и живо сказал:

— А мне так недостаёт весёлого смеха и шума!

— Этого у вас будет в избытке! — искренне заверил его отец.

Человек с трубкой дал нам ключи. Мы загнали телегу во двор и сразу же принялись расставлять и раскладывать вещи. Квартира была так хороша, что всем нам казалось, будто мы видим прекрасный сон.

— И такое бывает, — сказал отец. — Коллективная галлюцинация. Однако это самая настоящая явь; Суматра, Борнео, Целебес! Слышите, как радостно мяукает господин граф.

Разложив наши жалкие пожитки, мы с отцом пошли в город купить какой-нибудь еды. Вечер был тихий и полный лунного света. Жёлтая брусчатка тротуара сияла, как золото. Мы направились к центру, где было много магазинов. Я шагал рядом с отцом и чувствовал себя бесконечно счастливым. С радостью думал я о том, что кончилась наша кочевая жизнь и завтра мы с Витой пойдём в школу. И, словно прекрасная музыка, в сердце моём звенела полузабытая таблица умножения:

— Дважды два — четыре, дважды четыре — восемь, дважды пять...

ШКОЛА

Прошло две недели, а мы с Витой ещё сидели дома.

— Когда же мы начнём учиться? — то и дело спрашивал я у отца.

— Как только соберу все бумажки! — отвечал он. — В этой заколдованной стране без бумажек ни шагу: глотнул воздуха — дай подтверждение, плюнул — дай справку, а перешёл через дорогу — предъяви диплом. Что я могу поделать?

Я принимал его слова за шутку, но он говорил серьёзно.

А тем временем мы с Витой слонялись по окрестным улицам и уже довольно хорошо изучили эту часть города. Часто мы ходили за железнодорожное полотно — нам нравилось смотреть на проходящие поезда, швырять в вагоны камешки и махать рукой пассажирам. Иногда мы шли дальше, до самой бойни с огромными загонами — сюда пастухи

сгоняли скот со всех концов Бачки. И куда бы мы ни забрели, мы жадно впитывали всё новое и интересное. Но излюбленным местом наших прогулок был парк перед зданием дирекции железной дороги. Здесь стоял большой бело-мраморный памятник, и мы взбирались на небо почти каждый день — отсюда была видна чуть ли не вся Суботица. Мы с Витой были уверены, что это самый большой город в мире.

Как-то раз, когда мы сидели наверху, любуясь убежавшими во все стороны пёстрыми рядами домов, к памятнику подошёл мальчик с зелёной холщовой сумой, какие бывают у нищих. Он остановился и посмотрел на нас с нескрываемым любопытством — видно, он уже и раньше бывал здесь, но ни разу не догадался затеять игру на памятнике.

— Эй! — крикнул он и махнул нам рукой.

— Эй! — ответил я.

— Что вы там делаете?

— Сидим и смотрим, — ответил Вита. — Отсюда видно всю Суботицу.

— Можно мне к вам?

— Конечно, — дружелюбно ответил я. — Места всем хватит.

Он снял с плеча сумку, положил её прямо на землю и вскарабкался к нам наверх.

— Меня зовут Пи́шта, — сказал он, протягивая нам руку. — А вас?

Мы назвали себя. Мальчик засмеялся. Мы с Витой переглянулись.

— Чего смеёшься? — спросил я.

— Отсюда не видно даже и пол-Суботицы, — сказал он, всласть нахохотавшись. — Всю Суботицу видно с моей башни.

— А где она, позвольте узнать? — насмешливо спросил я.

— Идёмте, покажу! — ответил Пишта и ловко соскользнул на землю.

Мы последовали за ним. Я приглядывался к новому товарищу. На нём был дырявый балахон, сшитый из разноцветных лоскутов, — так одеваются ряженые на масленицу. Эти пёстрые лохмотья болтались на его маленьком, щуплом теле, точно на вешалке. Босые ноги его, привычные ко всему, бодро шагали по камням и осколкам стекла.

Всю дорогу он балагурил, смеялся, швырял в воробьёв камушки, задирал прохожих, озорно подмигивая нам: знайте, мол, что всё это весёлое представление даётся в вашу честь.

— Да он просто паяц! — шепнул мне Вита. — Потешный малый. Правда?

— А наряд его ещё потешнее, — ответил я. — Непременно спрошу, у кого шил.

Наконец мы дошли до церкви. Это было огромное строение с тонюсенькой колокольней, уходившей высоко в небо. Я был просто потрясён её размерами (ведь до сих пор я видел только невзрачные сельские церквушки) и в глубине души побаивался, как бы вся эта громада не рухнула мне на голову.

— Тут я живу, — сказал Пишта, показывая на верхушку колокольни. — Меня пустил отец Амврозий. Сейчас вы увидите всю Суботицу.

Тайком, точно воришки, прошмыгнули мы на колокольню и по узенькой деревянной лестнице поднялись на самую верхотуру. Пишта не обманул нас. Глазам нашим действительно представилось великолепное зрелище. Всюду, куда хватал глаз, тянулись ровные линии пёстро окрашенных домов; мы чувствовали себя затерянными на крошечном островке среди сверкающего многоцветья крыш. Точно замороженные, смотрели мы на город, поминутно восклицая: «Видишь вон ту трубу?», «Глянь-ка на ту улицу!», «А дома-то какие!», «Смотри, вокзал!». А Пишта в это время так же

увлечённо рассматривал нас, радуясь тому, что сумел нас так удивить.

— А как вам нравится моя квартира? — спросил он, когда наши восторги несколько улеглись.

Я обвёл взглядом площадку. Над нами висел огромный колокол. В стенах со всех четырёх сторон зияли широченные оконные проёмы, и колокол, слегка колеблемый ветром, гудел глухо и протяжно. В тёмном углу, прямо на досках, лежала застланная рядом солома и рогожи. Это и была квартира Пишты.

— Ты в самом деле здесь живёшь? — спросил Вита.

— Да. Здесь красиво и тепло. Мне повезло.

Пишта проводил нас до площади. Там мы расстались, назначив свидание завтра у памятника.

— Где вас носило? — крикнул отец, как только мы переступили порог. — Я уже отрядил на розыски своих гвардейцев. Налево кругом, шагом марш к умывальнику — руки вымыть до локтей, ноги до колен, уши, шею, нос, лицо и всё прочее! Отправляемся в школу!

— Папочка, это правда? — И я повис на шее у отца.

— К сожалению, да!

— А в какой школе мы будем учиться? — поинтересовался Вита.

— В начальной, — ответил отец. — А где бы вы желали?

— Я не про то... Как называется эта школа?

— Имени королевичей Андрея и Томислава. Ну как, господа, довольны? Будете учиться в королевской школе!

Мы с Витой умылись, надели чистые рубахи, давно уже припасённые на этот случай, нахлобучили форменные фуражки и отправились с отцом в школу.

Я чувствовал себя лёгким, как птица. Всю дорогу я напевал вполголоса: «Я иду в школу... Я иду в школу...» Дома я долго стоял перед зеркалом, любуясь собственным отражением. Вдруг в каком-то страстном порыве я сорвал с головы форменную фуражку, благоговейно прижал её к сердцу, ласково погладил и, улучив момент, когда на меня никто не смотрел, поднёс к губам и поцеловал. Всё это было точно во сне. Неужели я пойду в школу, неужели стану школьником, как и другие мальчишки?

Мать провожала нас до ворот. Пока шли сборы, она без умолку говорила, смеялась, шутила, но в последнюю минуту вдруг разрыдалась.

— Странная женщина, — сказал отец, когда мы немного отошли. — Всякий раз плачет, когда речь заходит о школе.

Здание школы было большое и красивое. Мы поднялись на второй этаж, где находился кабинет директора.

— Придётся подождать, у него сейчас господин Каначки, — шепнул нам служитель. — Господин Каначки!

Он сообщил нам, что Каначки — миллионер, что он «ужасно добрый», у него два сына, жена его — подруга королевы Марии, он может разговаривать с королём, когда пожелает: ведь у него прямая телефонная связь с дворцом, дивизионный генерал Алаупович — его шурин, у него самый красивый дом в Суботице, жена его — председательница «Союза сербских дам», а сам господин Каначки — депутат от всего суботицкого округа.

— Будем знать, — сказал отец, когда служитель умолк. — Да здравствует господин Каначки!

Наконец господин Каначки вышел из кабинета. Это был маленький, коренастый краснолицый человек, совсем не такой, каким я его себе представлял, наслушавшись рассказов служителя. Он громко дышал и поминутно утирал пот со лба. Господин Каначки прошествовал мимо нас с таким безразличным видом, будто мы были не людьми, а чем-то вроде соломенных стульев, на которых мы сидели.

— Войдите, — пригласил нас стоявший в дверях директор. — Это ваши сыновья?

— Да, — ответил отец.

— Садитесь. — Директор показал на стулья. — Прежде чем принять вас в мою школу, я должен сказать вам следующее: школа эта носит имя братьев короля — его высочества Андрея Карагеоргия и его высочества Томислава Карагеоргия. Знаете ли вы, к чему это обязывает?

Он выкатил на нас свои огромные рыбы глаза. Мы с Витой молчали.

— Это ко многому обязывает! — торжественным тоном произнёс директор. — Вы должны примерно вести себя и отлично учиться. Ясно?

— Да, — пролепетали мы разом.
— А теперь ступайте по классам. И запомните мои слова!
— Он похож на крокодила, — заметил Вита уже в коридоре.

— Скорее на акулу! Видел, какие у него глазищи?
— Ну, детки, счастливо! — сказал отец и прибавил со смехом: — Охота пуще неволи! После уроков мигом домой. Не вздумайте слоняться по улицам!

Урок уже начался, и мой приход вызвал в классе небольшое волнение. Сорок мальчишек тут же повернулись ко мне. Учитель, уже предупреждённый о моём поступлении, сказал ребятам, как меня зовут, и выразил надежду, что они поладят с новичком. Потом он посадил меня за парту и продолжил свой рассказ о притоках Дуная. Я ловил каждое его слово и внимательно следил за малейшим движением указки по висевшей на доске большой географической карте. На душе у меня было светло и празднично. Я учусь в школе! Учусь! Учусь! Каждую минуту я боялся заплакать от счастья.

Прозвенел звонок. Учитель вышел из класса. Ребята окружили меня и стали засыпать вопросами, а я изо всех сил старался удовлетворить их любопытство. Один бледнолицый пучеглазый мальчик смотрел на меня как-то странно — так смотрит аист на жабу, перед тем как её проглотить.

— Чего зенки вылупил? — спросил я.

— Ты лгун! — дерзко заявил он. — Ты всё наврал.

— Много ты понимаешь!

Шум утих. Ребята отступили от нас.

— Ты деревенщина! — с вызовом воскликнул бледнолицый. — И ещё кошатник! Я всё знаю!

— А ты хвастун! — И я дёрнул его за ухо. — И ещё трус!

— Я могу делать что хочу, а ты не смеешь меня и пальцем тронуть. Никто не смеет меня бить! — И он залился злорадным смехом.

И тут я заметил, что у него не хватает двух передних зубов. Где я его видел? Ну конечно, в имении высокородной графини Ленер. Он уехал на следующий день после нашего приезда, и потому лицо его почти стёрлось в моей памяти. Сейчас я вспомнил его презрительный взгляд,

вспомнил, как он показывал мне язык и насмешливо кричал: «Кошатник! Кошатник!» При этом воспоминании во мне вспыхнул яростный гнев. Он был маленький и тщедушный, и я мог бы запросто уложить его на обе лопатки. Но, поразмыслив хорошенько, я решил, что не стоит затевать драку в первый день.

— Оставь меня в покое! — сказал я. — Лучше помолчи, не то получишь в нос!

Бледнолицый небрежно махнул рукой, вскочил на парту и крикнул, смеясь:

— Слушайте все! Летом я гостил у тёти Алойзы, а этот мальчишка прогуливал её кошку. Он кошатник! Он ходил за Анной-Марией-Розалией! Он кошачий слуга, он кошатник!

— Врёшь! — сказал я перехваченным слезами голосом. — Врёшь как сивый мерин!

— Не вру! — крикнул мальчик. — Я напишу тёте Алойзе, и она всё подтвердит. Вот!

Ребята захихикали. Недолго думая я вцепился в своего обидчика и стал стаскивать его с парты.

— Как ты смеешь?! — истошно заорал он и грохнулся на пол.

— Вот тебе ещё, ещё! — кричал я, входя в раж и давая ему пощёчину за пощёчиной.

Мальчишка развернулся и ударил меня кулаком в живот, а я в ответ ахнул его ключом по затылку. Он заревел и выбежал из класса.

Вошёл директор. Лицо его было то бледно-зелёным, то почти синим. Он взял меня за ухо и, не говоря ни слова, потащил по коридору. Школьники толпой шли за нами.

— Вон из моей школы! — рявкнул он уже в дверях. — Злодей!

И тут он дал мне такого пинка, что я упал. Когда я поднялся, рядом со мной стоял Вита.

— А ещё хотел учиться, — сказал он. — Вот тебе и ученье! Директор послал служителя за отцом.

— Ты ступай домой, а я приду после. Или лучше завтра.

— А где ты будешь спать? — забеспокоился Вита.

— У Пишты.

— На колокольне?

— Да. Это лучше, чем порка.

Отец сек меня очень редко, однако я чувствовал, что на сей раз буду бит.

Пишта с сочувствием отнёсся к моей беде и всячески старался меня утешить, но я был в таком отчаянии, что никак не мог остановить душившие меня слёзы. «Боже правый, — думал я, — неужели это должно было случиться в первый же день?» Целых два года мечтал я о школе. Свет надежды озарял мне путь во время наших долгих скитаний... И вот... Горе моё не знало границ.

Рано утром за мной пришёл Вита.

— Ох и лютовал отец! — сообщил он. — Но теперь успокоился. А ведь знаешь — нас с тобой обоих выгнали из школы!

— А тебя за что? — удивился я.

— За то, что этот щербатый и кривоногий идиот — сын депутата, господина Каначки!

— Так ты разделал сына Каначки! — воскликнул Пишта и, чмокнув меня в щёку, весело запрыгал. — Молодец! Молодец! Ёлјен Драган! Ёлјен! ¹

Не расспросив Пишту о причинах его столь бурной радости, я со всех ног помчался домой. Родители мои пребывали в глубокой печали: мать плакала, отец стоял у окна и смотрел в огород.

— Ну? — сказал он и повернулся ко мне: — Выкладывай-ка, что у тебя стряслось?

Я рассказал всё без утайки. Отец слушал меня с печальным и задумчивым видом. Наконец он улыбнулся.

— Ладно, — вымолвил он, — после драки кулаками не машут. Скажи-ка, откуда у тебя взялся ключ?

Я и по сей день не знаю, каким образом ключ оказался у меня в руке. Наверное, он лежал на парте.

— Здорово ты его треснул, — сказал отец. — Знаешь ли ты, несчастный, что уж наверняка сам король извещён по прямому проводу о твоей проделке? И дивизионный генерал Алаупович? И «Союз сербских дам»?

---

¹ Да здравствует Драган! Да здравствует!

Помолчав немного, он подошёл ко мне и ласково провёл рукой по моим волосам. Я зарыдал.

— Уверяю тебя, сынок, — робко начал он, — плевать мне на всю эту королевско-генеральскую свору. Я рад, что ты отколошматил маленького негодяя. По совести говоря, я бы на твоём месте поступил точно так же!

РАЗЛУКА

Много прошло времени, пока в памяти у меня померкла история с сыном господина Каначки. Вита сравнительно легко перенёс изгнание из школы и уже на другой день беззаботно играл и с Пиштой и Лазарем во дворе под сенью большого мраморного памятника. Я же предавался самому безысходному отчаянию, сторонился людей и плакал украдкой. Отец, видя, в каком я состоянии, не бередил моей раны, оставляя меня наедине с моим горем. Однако время шло, я постепенно забывал о нём, и месяца через два почувствовал себя словно выздоровевшим.

— Сынок, нам с тобой нужно поговорить, — сказал мне однажды отец. — Сам видишь, как обстоят дела: моего жалованья едва хватает на еду. Сразу по приезде мы продали Лебеда, недавно простились с Соколом. И телеги у нас больше нет, нашей доброй, крепкой телеги, много лет заменявшей нам крышу над головой. Всё, что можно, мы уже проели. Спасибо всевышнему, животы ваши способны переварить даже камни! Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Мне пора работать? — сказал я.

— На базаре всегда можно найти какую-нибудь мелкую работёнку. Возьми с собой Виту. Кому подвезти груши, кому перец, кому арбузы, дыни... Вдвоём вы могли бы немного заработать.

Наутро мы с Витой, вооружившись тачкой, отправились на базар. Но никакой работы для нас не нашлось, и около полудня, когда рынок опустел, мы уныло побрели домой. От грустных дум отвлёк нас звонкий голос Пишты.

— Работу мы вам мигом найдём! — весело воскликнул

он, узнав про нашу беду. — Со мной не пропадёте. Суботицу я знаю как свои пять пальцев! Айда за мной!

Пишта привёл нас на большой склад под вывеской: «Литман и К^с». Он шепнул что-то какому-то человеку, и тот сразу же поручил нам выносить со склада пустые картонки. Мы проработали больше двух часов и, к великой нашей радости, получили десять динаров.

С того дня мы часто работали втроем. Мы работали всюду, где только находилось для нас какое-нибудь дело. Мы делали всё, что можно делать руками и ногами! Да, да, ногами, и, должен признаться, ногами мы работали гораздо чаще, чем руками. Приходим мы как-то в булочную Андры Дуклянского за хлебом, а дядюшка Андры и говорит:

— Хотите у меня поработать?

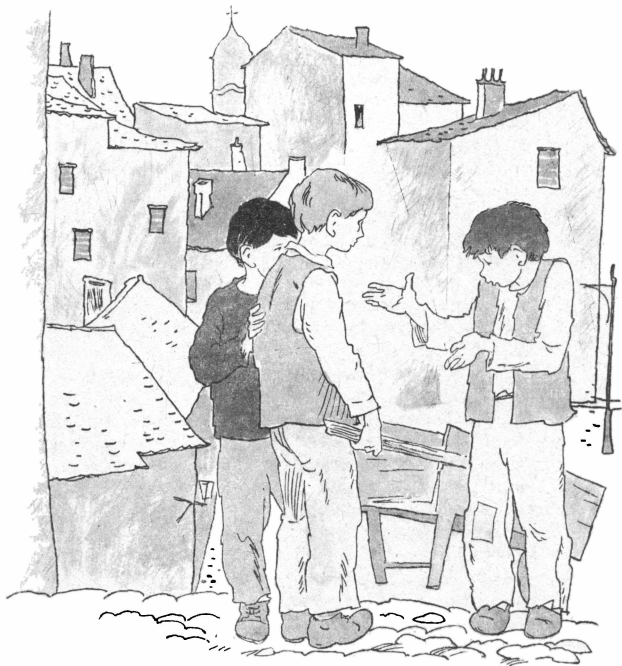
— Не откажемся, — отвечаю я, — если хорошо заплатите...

В тот же вечер началась наша работа в пекарне. Дядюшка Андры велел нам как следует вымыть ноги и прыгать в больших каменных корытах, в которых была мука с водой. Мы прыгали как одержимые, приправляя свою работу визгом, смехом, пением.

— Ах, — вздохнул дядюшка Андры, — как я скакал по тесту в молодые годы!

Однако мы недолго работали у дядюшки Андры втроем. Вскоре к нему определился и Рыжий кот. Теперь это был огромный котище, очень похожий на свою мать Анну-Марию-Розалию, с огненно-рыжей шерстью и длинными белыми усами, придававшими ему вид царственный и холодный. И нрав его очень изменился: чужим он не позволял даже прикоснуться к себе, а на соседских кошек глядел свысока, правда временами снисходя до того, чтобы поколотить их или больно царапнуть. Собак он совсем не боялся, напротив, он насакивал на них с такой непостижимой отвагой, словно был не котом, а львом или тигром. К тому же он превосходно ловил мышей. В пекарне от них никакого спасу не было — вот и пришлось дядюшке Андры взять на службу нашего Рыжика.

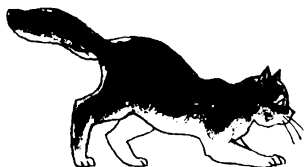
Постой, чуть не забыл сказать тебе: как-то я встретил дядюшку Иштвана, портного сиятельной графини Ленер, то-

го самого, который сшил мне прекрасную разноцветную ливрею. Со слезами на глазах он сообщил, что Анна-Мария-Розалия приказала долго жить, а почтеннейшая графиня «божьей милостью ещё жива и пребывает в добром здравии».

Пока Рыжий кот задира́л кошек, дра́лся с собаками и ловил мышей, всё шло отлично. Но в один прекрасный день в характере его произошла перемена, которой никто не мог предвидеть: господин граф, забыв о своём высоком происхождении, вдруг стал бесстыдно воровать! Он тащил всё, что плохо лежало, ему было до крайности безразлично, ко-

го он обворовывает — министра, торговца, священника или неимущего работягу. Отец в шутку говорил, что во всей этой неприятной истории ему нравится лишь одно — Рыжий кот «в числе прочих грабит и буржуев, ускоряя тем самым их неминуемый конец».

Сначала мы смотрели сквозь пальцы на поведение Рыжего кота, считая его обыкновенным проказником. Мы любили его и находили ему множество оправданий, надеясь, что эта сомнительная забава скоро ему наскучит и опять всё пойдёт по-старому. Но кот упорно продолжал таскать из курятника кур, голубей, плюшевых медвежат с подоконников, яркие подушечки для иголок и даже мячи... Всё это он приносил домой, и нам волей-неволей приходилось разыскивать их владельцев. Ты и представить себе не можешь, как мучительно трудно было извиняться перед ними и объяснять, как все эти вещи попали в наши руки... Многие подозрительно качали головой, не очень-то веря в наш рассказ.

— Это добром не кончится, — частенько повторяла мать. — Милутин, сделай что-нибудь...

— Прочесть ему проповедь о том, что воровать грех? — отшучивался отец. — Могу заодно рассказать, как несправедливы наши законы...

— Всё смеёшься! — сердилась мать. — Что ж, только помни — я тебя предупреждала!

— Постараюсь не забыть.

Конечно, он и не подумал что-нибудь предпринять. А Рыжий кот, этот аристократ, в чьих жилах текла голубая кровь благородной Анны-Марии-Розалии, по-прежнему занимался воровством и, видимо, делал это с величайшим наслаждением. Теперь он крал даже рубашки с верёвок, а в один прекрасный день принёс в зубах кролика и победно сложил его к нашим ногам, причём глаза его блеснули каким-то особенным блеском.

Мать чуть не хватил удар; отец нахмурился и сказал:

— И в самом деле надо что-то делать...

Он, как и все мы, очень любил Рыжего кота и поэтому не мог ни на что решиться. Однако было ясно, что Рыжик будет продолжать свои бандитские налёты, обрушивая на нашу голову всевозможные беды. Соседи давно уже на нас косились. Мало помогали объяснения отца, что мы тут ни при чём, а его уверения в том, что «это больше не повторится», никто и слушать не хотел. Мы следили за каждым шагом Рыжего кота, запирали его в комнате, привязывали к старой липе во дворе, но он всегда умудрялся сбежать и вот уже снова шнырял по соседним дворам в поисках добычи. Убедившись наконец в том, что Рыжик неисправим, отец посадил его в мешок и отнёс в Палич. Там он бросил его в лесу, а сам с тяжёлым сердцем вернулся на трамвае домой.

Об участии Рыжего кота знали только мы с мамой. Вита, Даша, Милена и Лазарь думали, что он, по своему обыкновению, бродит по окрестным дворам, и нимало о нём не беспокоились.

Как-то мы всей семьёй обедали в кухне, когда вдруг кто-то заскрёбся в дверь. Милена, сидевшая с краю, вскочила и открыла её.

— Рыжик! — радостно воскликнул Лазарь. — Рыжик!

— Невероятно! — сказал отец, протирая глаза. — Да это и вправду Рыжик!

За эти несколько дней он так исхудал, что даже сквозь его густую шерсть проглядывали тонкие рёбра. По всему видно было, что он проделал нелёгкий путь — живые глаза его провалились и потускнели, весь он был грязный, бока в репье и травинках, лапы в ссадинах и ранах.

— Ах, какой ты страшный! — печально вздохнула Милена. — Бедненький ты мой... — И, взяв горшок с водой, она тут же принялась его мыть.

Отец всё это время смотрел в окно — казалось, он стыдится глядеть в глаза Рыжему коту.

Рыжий кот быстро поправился. Раны на лапах зажили, мягкая пушистая шерсть отливала прежним красноватым блеском. День-деньской он сидел во дворе, и все мы решили, что недавнее происшествие образумило его и с воровством покончено раз и навсегда.

К сожалению, мы глубоко заблуждались.

По соседству с нами жила госпожа Катица Мёршич, жена мясника по имени Тома.

Мясник был маленький толстый человечек, имевший красивый дом, коляску и астму. Госпожа Катица была долговая и худая. Руки её были унизаны кольцами, в ушах висели крупные серёжки, а шею всегда украшали какие-нибудь бусы. Ну просто манекен с витрины ювелирного магазина! «Я госпожа!» — напоминала она при всяком удобном случае.

Дворы наши разделяла высокая стена, утыканная поверху битым стеклом. Однако с липы, росшей у забора, можно было видеть, что происходит на той стороне. Меня особенно занимал пёсик, целыми днями неподвижно лежавший на траве возле своей конуры. Он никогда не лаял и только временами открывал свои гноящиеся глаза, чтоб посмотреть, не изменилось ли что на белом свете. Звали пёсика Цезарь.

Мы даже думали, что это просто чучело, но однажды вечером до нас донёсся его лай.

— Слышишь, Цезарь лает! — вдохновенно воскликнул Лазарь. — Гав, гав, гав!

Через несколько минут госпожа Катица была уже у нашего порога. Следом за ней ковылял её муж. Он тяжело дышал, издавая при каждом вдохе и выдохе лёгкий присвист.

— Слушайте, госпожа Малович! — крикнула госпожа Катица и подбоченилась.

— Кто это свистит? — спросил отец. — Ах, добрый вечер, уважаемый господин Тома!

Господин Тома кивнул в ответ — говорить ему было трудно.

— Я это так не оставляю! — бушевала госпожа Катица, размахивая руками в кольцах. — Я буду жаловаться! Все знают, что мой Цезарь и мухи не обидит... Ваш кот только что укусил его за ухо! Бедненький пёсик весь в крови! Я требую, чтоб вы немедленно унесли отсюда своего кота! В противном случае, мы подадим в суд. Судья Фэркаши мой родственник!

Разгневанный отец сказал, что ему тоже надоели проказы Рыжего кота, что один раз он уже пытался от него избавиться, но кот нашёл дорогу домой. Тут же, в присутствии госпожи Катицы и её мужа, он послал нас на поиски кота и

пообещал сию же минуту отнести его на край света — он-де тоже жаждет мира и покоя. Успокоенные, супруги Маршич ушли.

Рыжий кот словно сквозь землю провалился. Хитрец видел всю сцену и впол-

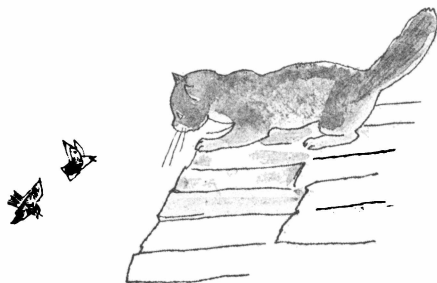
не здраво рассудил, что лучше переждать, пока буря уляжется. Заявился он на следующий день, когда отец совсем отошёл, и так к нему ластился, кувыркался и весело мяукал, что отец смягчился и сказал:

— Слушай, шалопай, даю тебе возможность исправиться, но запомни — это в последний раз!

Прошёл месяц, а Рыжик вёл себя самым примерным образом — целые дни проводил он в комнате, лишь изредка выходя на прогулку во двор. Вечерами он обычно неподвижно сидел в сенях или на подоконнике. Я часто поглядывал на него и по глазам его видел, как хочется ему на волю. С тоской и печалью смотрел он на забор, улавливая своим чутким ухом возню и воркованье примостившихся там голубей. Душа его рвалась к бою, но он вынужден был сдерживать свои порывы и, сидя на подоконнике, щурить глаза на закатное солнце. День ото дня во мне крепла уверенность, что он не смирился, и дикий нрав его рано или поздно себя проявит.

Только начало светать, как мы услышали шум на голубятне, разъярённый голос госпожи Катицы и громкие вздохи её мужа. Слов разобрать нельзя было, и всё же мы поняли, что происходит. Рыжий кот забрался на голубятню, загрыз пятерых голубей, перемахнул через забор и исчез в неизвестном направлении.

Госпожа Катица влетела к нам в кухню и, швырнув на пол мёртвых голубей, тут же умчалась. Не успели мы и глазом моргнуть, как она вернулась в сопровождении двух по-

лицейских, приказавших отцу следовать за ними. В полицейском участке судья Фаркаши после короткого допроса осудил его на семь дней тюрьмы.

— Неделью тюрьмы за пять голубей! — сказал отец, вернувшись. — Это тебе не шуточки! Судья Фаркаши творит суд и правду. Очень мне жаль, господин граф, но вы сами виноваты в том, что вас постигнет.

— Папа, неужели ты его убьёшь? — спросила Милена и разревелась.

— Тогда я тоже умру! — заявил Лазарь.

— Хватит с меня твоих самоубийств! — вскипел отец. — Пошёл вон!

Мы решили отнести кота в Оджак, к дядюшке Ласло. С тех пор как мы продали дядюшке Ласло Лебеда, он завёл с нами дружбу, и иногда по воскресеньям мы ездили к нему, чтоб побегать по полям или насладиться благоуханием густых лесов в окрестностях Оджака. Мы были уверены, что Рыжику будет там хорошо. Кроме того, Оджак находился далеко от города, и он при всём желании не сможет вернуться домой.

Словно предчувствуя скорую разлуку с нами, Рыжий Кот ластился ко всем и жалобно мяукал. Милена с Лазарем целыми днями лили слёзы.

— Надо поскорей унести его, — сказал отец. — Этот несчастный граф — великий артист. Ещё меня разжалобит.

Мы посадили кота в мешок и около полудня прибыли в Оджак. Всю дорогу он молчал и не шевелился — бедняга безропотно покорился своей судьбе.

— Знаешь, сынок, — сказал мне отец на обратном пути, — я только сейчас понял, как нам будет не хватать этого разбойника.

Он оглянулся — вдали белели свежевыкрашенные стены дома дядюшки Ласло — и, смахивая непрошеную слезу, сказал:

— Прощай, господин граф! Прощай навсегда!

И мы быстро зашагали к железнодорожной станции.

Часть вторая

*

РАССКАЗ ПРО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как-то в начале марта отец сказал мне:

— Завтра твой день рождения. В этом году мы отпразднуем его по-королевски. Я пригласил датскую принцессу, голландского наместника и прочих высоких лиц. Ты доволен?

— А Пишту пригласил? — спросил я.

— Какого ещё Пишту?

— Моего друга.

— Ну что ж, пригласим и его. Где живёт этот твой друг?

— На колокольне.

— Гм... — Отец дёрнул меня за ухо. — Довольно странный друг.

— Он был у нас несколько раз, — вмешалась мать. — Он хороший мальчик, я отдала ему старые штаны Лазаря.

— Молодец! — с нескрываемой иронией воскликнул отец. — А почему бы не отдать ему ещё рубаху, пальто, чулки и башмаки? Коли уж разыгрывать миллионершу, то до конца.

— А раз ты так злишься, то знай правду, — сказала мать, и на губах её мелькнула лукавая улыбка. — Я отдала ему те самые штаны, которые мы на днях купили Лазарю. Он был совсем голый, в буквальном смысле слова, голый.

— И ты... в буквальном смысле слова... подарила новые штаны Лазаря? Ну что ж, к чёрту их с обеими штанинами! Назад не возьмёшь. Итак, сынок, зови на день рождения своего Пишту в новых штанах Лазаря.

Я знал, где искать Пишту. В субботние вечера он продавал свечи у церкви, оплачивая таким образом его преподобию Амвросию квартиру на колокольне, которую тот ему предоставил.

Пишты нигде не было. Не было его и в ризнице, где он иногда помогал отцу Амвросию готовиться к службе или крутился возле мальчиков, прислуживавших священнику во

время мессы, помогая им надевать облачение, казавшееся ему царскими одеждами.

— Благодарение Иисусу, ваше преподобие! — поздоровался я с господином Амвросием, заходя в ризницу. — А где Пишта?

Отец Амврозий снял очки с круглыми стёклами, через которые глаза его казались огромными, как пятаки, протёр их платком и, бережно положив в карман, уставился на меня.

— Стало быть, тебе нужен Пишта? — сердито пробурчал он. — Этого выродка и богохульника я выбросил с колокольни!

Заметив мой недоуменный взгляд, отец Амврозий пояснил:

— Он прикарманивал деньги, вырученные за свечи, вот я и прогнал его! Теперь понял?

Я кивнул головой и медленно направился к выходу. Но в дверях я обернулся.

— Ваше преподобие!

— Что тебе, сын мой? — отозвался он елеинным голосом.

— Вы осёл! — крикнул я и во весь дух помчался по улице.

Уже при первом знакомстве с отцом Амвросием я почувствовал к нему неприязнь, хотя на первый взгляд в нём не было ничего отталкивающего. Длинное лицо его казалось даже добродушным; он щедро расточал снисходительные, ласковые улыбки и был со всеми любезен и обходителен. И всё же, разговаривая с ним, я невольно думал, что всё это напускное, что каждое его слово, каждый жест заранее обдуманы и рассчитаны. За его ослепительной улыбкой, за сладкими, медовыми речами я видел человека холодного, чёрствого, безжалостного. Я не сомневался, что отец Амврозий оклеветал Пишту, в которого я верил, как в самого себя.

Слова отца Амврозия не выходили у меня из головы, я уже ругал себя за то, что не обозвал его как-нибудь похлеще. Дав себе слово сделать это при первом же удобном случае, я весело побежал домой.

Только я дёрнул звонок, как дверь отворилась. Я очень удивился, увидев Пишту.

— А я пришёл к тебе! — сказал он. — Где ты был?

— У тебя.

— А я пришёл к тебе! — повторил он. — Отец Амврозий выгнал меня на улицу.

— Знаю, я был там. Говорит, ты прикарманивал церковные деньги.

— Это неправда! — возмутился Пишта.

— Верю. Я сказал ему, что он осёл.

Разговаривая с Пиштой, я как-то машинально рассматривал его штаны. И только сейчас до меня дошло, почему они привлекали моё внимание.

— А где новые штаны? — спросил я с удивлением.

Пишта опустил голову.

— Отец Амврозий взял... за свечи...

— Вот как! — вскипела мать. — Он думает, что священнику дозволено снимать штаны, с кого он хочет? Пошли, дети!

Я впервые видел мать в гневе.

У ворот мы встретили возвращавшегося с работы отца.

— Эй, вы куда собрались?

Мать объяснила.

— Что с возу упало, то пропало! — твёрдо сказал отец. — Знаю я этого Амврозия. Что он взял — взято на веки веков, аминь... Удивляюсь только, как он втиснет своё брюхо в детские штанишки.

Мы рассмеялись и вернулись домой. Отец внимательно разглядывал Пишту.

— Так это вы и есть господин Пишта? — спросил он уже в кухне. — Я это сразу понял по твоим... по твоим так называемым штанам.

Мы долго говорили об отце Амврозии и о Пиштиных штанах. Мать накрывала на стол. После обеда отец сказал:

— А ну-ка вставайте! Идём в город!

— Милутин, ты, никак, с получкой? — озабоченно спросила мать. — Ты же знаешь...

— Никакой получки я не получал. Списки ещё утрясают. Пошли, дети!

— Лучше я останусь играть с Лазарем и Витой, с Миленой и Дашей, — сказал Пишта.

— Ты пойдёшь с нами!.. — прикрикнул на него отец.

— Милутин... — Мать хотела было что-то сказать, но вдруг передумала и только махнула рукой.

Мы перешли площадь, прошли через парк и направились к центру города.

— Папа, куда мы идём? — спросил я.

— Разговаривай с Пиштой, не мешай мне думать! — ответил он. — И будь уверен, кирпичи таскать я не заставляю!

Зазвонил трамвай, и мы остановились. Потом перешли через линию и... увидели большой магазин тканей и одежды «Хартвиг и К°».

— Папа, так мы идем! — воскликнул я.

— Конечно, мы идём, — небрежно заметил он.

Мы вошли в магазин Хартвига. Несмотря на дневное время, он был залит электрическим светом. Швейцар смерил нас презрительным взглядом.

— Этот оборванец с вами? — спросил он, показывая на Пишту.

— Этот юный господин со мной! — с достоинством ответил отец. — У вас есть ещё вопросы?

Мы поднялись на второй этаж. Там находился отдел детской одежды.

— У меня немного денег, — сказал отец. — Тебе, сынок, нужна куртка, а Пиште — штаны. Мы купим один костюм, и вы его поделите. Это тебе подарок ко дню рождения!

Мы купили голубой матросский костюмчик. Я надел куртку, а Пишта — брюки. Новая одежда нам очень шла. Словно замороженный стоял Пишта перед огромным зеркалом, не веря, что он видит в нём своё собственное отражение.

— Ах, как к лицу тебе синий цвет! — воскликнула продащица.

— Ты в них настоящий моряк, — прибавил я.

Пишта гладил штаны, засовывая руки в карманы, вертелся перед зеркалом и, наконец, встал, выпятив грудь и выставив вперёд правую ногу. Несколько минут стоял он так, не шевелясь, в полной неподвижности, и вдруг сорвался с места, повис у отца на шее, прижался головой к его груди и разрыдался.

— Господин Малович... — лепетал он сквозь рыдания. — Господин Малович...

Отец гладил Пишту по голове и повторял смущённо:

— Вот ведь как... Вот ведь как...

Мы вышли из магазина и молча направились домой. У трамвайной линии отец вдруг остановился.

— Давайте-ка немножко прогуляемся, — предложил он. — Боюсь, что дома нас ждёт скандал. Я должен подготовиться к обороне!

Мы долго гуляли по городу. Отец завёл нас в кондитерскую и купил мороженое и медовых конфет. Потом мы зашли в кафе, где он выпил красного вина. Домой мы вернулись уже на закате.

Я думал, что мама удивится, но, казалось, именно этого она и ожидала.

— Ну и франты! — сказала она, поглаживая нас с Пишкой по голове. — Теперь вы точно братья. — И, повернувшись к отцу, сердито проговорила: — Молодчина! А почему бы тебе ещё не купить рубаху, пальто, чулки, башмаки и шапку?.. Давайте, господин миллионер, посмотрим, что осталось от вашей жалкой полочки!

АХ, КАКОЙ ДЕНЬ!

Дело было так. Отец три дня кашлял, потом три дня чихал, а в субботу был уже совершенно здоров. Он вынес в сад раскладушку и лёг загорать.

— Наконец-то, сынок, мы разбогатели, — сказал он, увидев меня.

— Каким образом?

— Обыкновенным! Я выздоровел. А здоровье дороже денег!

Он закрыл глаза и блаженно улыбнулся. Я рассмеялся.

— Папа, — заговорил я, всласть насмеявшись, — пошли завтра на озеро. Если будет хорошая погода. Будем купаться, загорать... Отлично проведём время.

— Ну что ж, пошли.

— Лучше помоги мне сделать уборку, — вмешалась в разговор мать. — Не развалишься!

— Я полагаю, что сейчас мне полезнее подышать свежим воздухом.

— Убедил! — засмеялась мать. — Может, пора уже ставить пироги вам в дорогу?

— Спасибо. — Отец бросил на мать благодарный взгляд. — Пропал бы я без тебя!

— Не торопись благодарить, — язвительно сказала мать. — Отправляйся себе на Палич, только прихватишь ещё Виту с Миленой.

Отец вскочил с раскладушки.

— А почему не Лазаря с Дашей? — мрачно пробурчал он.

— Лазарь ещё мал, а Даша останется мне помогать, — невозмутимо ответила мать.

— Идёт! — сказал отец. — Долой солнце, долой воздух, долой купание... долой всё на свете! Я остаюсь дома, буду валяться на раскладушке!

— Папочка, миленький, пошли на озеро! — защebetала Милена. — Ну, пожалуйста, папочка, пойдём купаться! Пойдём, пойдём, пойдём...

— А я возьму лук со стрелами, чтоб охотиться на тигров, — заявил Вита. — Я буду охотиться на львов, на верблюдов и китов!

— Если так, то пошли, — засмеялся отец. — Представляю, как мне будет весело.

Мы вышли из дому около девяти часов. Утро было ясное, солнечное, настроение у нас было самое распрекрасное — словом, всё обещало отличную прогулку.

У ворот мы простились с мамой.

— Милутин, — озабоченно сказала она, — смотри за детьми!

— Спасибо, что напомнила! — надувшись, буркнул отец. — Пошли, господа!левой, правой, левой!..

— Хорошенько смотри за детьми! — крикнула мать, когда мы уже подходили к концу улицы. — И возвращайся вовремя!

Мы направились к аптеке. В ожидании трамвая отец разговаривал с каким-то человеком в соломенной шляпе.

— Поглядите-ка на мою армию! — с гордостью сказал отец. — Тот ушастый — старший.

Человек в соломенной шляпе метнул на нас быстрый взгляд и вернулся к разговору о гражданской войне в Испании.

— Знайте же, господин Милутин, — в голосе его звучали восхищение и приподнятость, — генерал Франко — великий человек!

Отец нахмурился, губы у него задрожали. Я знал, как он ненавидит фашизм, как рвётся в бой на стороне республиканцев, и потому испытывал невольный страх за соломенную шляпу незнакомого господина. Но в эту минуту подошёл трамвай, и мы поехали.

— Он тебе не кажется странным? — вдруг обратился ко мне отец.

— Кто, папа?

— Да... господин, с которым я разговаривал. Похож вроде на человека, а на самом деле просто осёл!

Трамвай бежал, весело звеня. На Палич мы прибыли раньше, чем думали.

— Озеро, озеро, озеро! — возбуждённо напевала Миленка.

— А воду в нём можно пить? — спросил Вита.

— Если будешь умирать от жажды, — ответил отец. — Да и то советую потерпеть.

Мы прошли мимо лодок и парусников, привязанных к деревянному молу. Дул слабый, как дыхание, ветерок, и лодки равномерно покачивались на мелкой зыби. Зрелище было великолепное.

— Что ты делаешь? — вдруг вскрикнул отец, хватая Виту за руку.

Но было уже поздно. Стрела просвистела в воздухе и угодила в голову бородачу с вытатуированным на груди океанским кораблём.

— Извините, пожалуйста, — сказал отец с виноватой улыбкой.

— Повесьте своё «извините» кошке на хвост! — негодовал бородач. — Маленький дикарь! Ты что, пришёл сюда охотиться на людей?

Отец взял Виту за руку и ускорил шаг. Мы с Миленой едва поспевали за ними.

— Так это и есть твои львы, тигры, киты и верблюды? — сердито спросил отец и дёрнул Виту за ухо.

— Я не в него целился! — оправдывался Вита.

— А в кого же?

— В старуху с пёстрым зонтиком!

— Ещё лучше! Только посмей ещё разок стрелкнуть — руки оторву. А теперь, дети, купаться!

Кроме нас, на пляже был ещё один человек в зелёных купальных трусиках. Он лежал на песке, когда мы пришли. Одежду он, вероятно, спрятал в кустах.

— Чудак, — тихо сказал отец, когда незнакомец поднял голову и недовольно покосился на нас. — А впрочем, какое нам до него дело...

Мы долго не выходили из воды — плавали, плескались у берега, брызгались. Вита поймал даже какую-то рыбёшку. Правда, она плавала кверху брюхом, но какое это имело значение!

Человек в зелёных трусиках всё время лежал на песке. Под вечер, когда мы уже собрались уходить, он встал и быстро пошёл в воду. Постояв немного у самого берега, он вдруг нырнул и поплыл, размахивая руками и ногами с таким ожесточением, будто хотел взбаламутить всё озеро. Мы весело расхохотались.

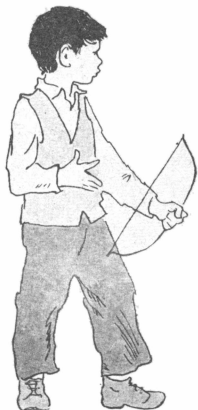
— Далеко ему не уплыть! — сказал отец, вытряхивая из башмаков песок.

Он оказался прав. Через несколько минут с озера донёсся истошный крик:

— Помогите!.. Тону!.. Пооооооогите!

— Что я говорил? — воскликнул отец, бросил башмак, прыгнул в воду и стремительно поплыл к утопающему.

— Почему папа купается в кос-

тюме? — удивился только что подошедший Вита.

— Один дяденька тонет, — объяснила Милена. — Папа поплыл его спасать.

Вита с Миленой, не понимая опасности, хлопали в ладоши, смеялись и что-то кричали. Я же замирал от страха, глядя, с каким трудом отец тащит крупного, плечистого человека. Берег всё приближался, и казалось, что всё это кончится быстро и просто. Но вдруг волна захлестнула челове-

ка, державшегося за плечо отца, он захлебнулся и в диком страхе снова начал бить руками и ногами; я с ужасом увидел, как он пошёл ко дну, увлекая за собой своего спасителя. Однако вскоре отец снова всплыл на поверхность. Он держал утопающего за волосы, а тот, совсем обезумев от страха, пытался схватить отца за горло. Недолго думая отец грубо оттолкнул его, изогнулся, словно щука, и наотмашь ударил его кулаком по лицу. Голова утопающего безжизненно свесилась на грудь, и он опять скрылся под водой. Отец снова взял его за волосы и вытащил на берег.

— Гм, пришлось его стукнуть, — сказал отец, глядя на большой синяк под правым глазом спасённого. — Однако я надеюсь, он не взыщет с меня за это, когда очнётся... Чёрт его подери, и меня чуть не утопил в этой луже!

Отец надавил ему коленом на живот, потёр веки, а потом взял его руки и стал водить их вверх и вниз. Жизнь постепенно возвращалась в распростёртое на песке посиневшее тело. Наконец человек открыл глаза и посмотрел на отца благодарным взглядом.

— Вы спасли мне жизнь, господин, — пробормотал он. — Спасибо!

— Не за что! — великодушно воскликнул отец. — Люди должны помогать друг другу в беде. Я выполнил... апчхи!.. свой долг.

— Я никогда этого не забуду! — сказал неизвестный.

— Ваше дело! Сынок, помоги мне отжать костюм.

Пока я помогал отцу выжимать из пиджака и брюк воду, неизвестный ушёл в кусты, где лежала его одежда. Его долго не было, а когда он появился, отец так и обомлел: спасённый им человек был одет в красивую жандармскую форму, на плечах его поблёскивали лейтенантские погоны!

— Ну и болван же я! — Отец стукнул себя по лбу. — Видишь, сынок, к чему приводит поспешность!

Жандармский лейтенант подошёл к нам, ещё раз поблагодарил отца и медленным, неуверенным шагом направился к трамвайной остановке.

— Ах, какой сегодня день, какой день! — бормотал отец, шагая по широкой тропе вдоль озера. — Всю жизнь воюю с жандармами и полицией, а тут вытаскиваю из воды жандармских лейтенантов... апчхи!.. Одно утешение — что дал ему хорошую плюху!

Дома отец рассказал матери про случай на озере.

— Да мне не жалко, что я его спас, — сказал он в заключение. — Чёрт с ним! Только вот опять буду три дня кашлять и три дня чихать!

В ГОСТЯХ

Моя тётушка Вилинка вышла замуж за торговца Милентие Бибера¹. Она была счастлива, даже чересчур счастлива. В письмах к нам она неизменно писала: «Дорогие мои, я очень счастлива! Милентие прекрасный человек! Он такой внимательный, заботливый и так любит меня! Ах, вы просто представить себе не можете, какая я счастливая!»

— Позавидовать можно! — говорила мать, глотая слёзы. — Вилинка счастлива, Вилинка слишком счастлива, а

---

¹ Бибер (серб.) — перец.

я? О господи! У меня пятеро детей, и один хуже другого. И это называется жизнью!

— А кроме того, у тебя муж, которого только что прогнали с работы! — сказал отец, входя в кухню (он слышал причитания матери). — Печально, но факт.

— Опять? — вскрикнула мать.

— А что я могу сделать? — оправдывался отец. — Это уже восьмой раз... нет, девятый! Скоро будем праздновать юбилей!

— Потерял работу и радуешься, — укоризненно сказала мать. — Как мы будем жить?

Отец долго размышлял.

— Я кое-что придумал, — сказал он наконец, — только не знаю, как ты на это посмотришь.

Мать взглянула на него с любопытством.

— Драгана с Лазарем пошлём к Милентию с Вилинкой. Они как сыр в масле катаются! Разве Вилинка не пишет в каждом письме, какая она счастливая? Два лишних рта их не разорят.

— Три рта! — поправила его мать. — Ты забыл, что Лазарь ест за двоих. Только стоит ли докучать им своими бедами?

— А ты знаешь выход поумнее? — сердито спросил отец.

— Ну ладно... — согласилась мать. — Если на днях не найдёшь работы, то пошлём их к Милентию с Вилинкой.

Отец каждое утро отправлялся на поиски работы. Вечером он возвращался такой усталый, будто весь день ворочал камни.

— Уф, — отдувался он. — Нет работы тяжелее, чем искать работу!

Прошло десять дней, но работы всё не было. Наши продовольственные запасы подходили к концу.

— Радуйтесь! — воскликнул отец. — Завтра поедете к тётке с дядей. Там у вас будет всё, даже птичье молоко! Хе-хе-хе, и не каких-нибудь пичужек, а перелётных птиц!

— Почему вы отправляете меня? — заворчал я, несколько не обрадовавшись. — Пусть едет Вита.

— Путь не близкий, — серьёзно сказал отец.

— Так что же, мы с Лазарем поедем одни?

— Конечно, нет! — Голос отца заметно повеселел. — Вас будет сопровождать придворная свита: министры, повар, кондитеры, гувернёры, няньки, мамки, кучера и прочие слуги... Это вас устраивает?

— Они живут недалеко от вокзала, — объясняла мать. — Я там никогда не была, но очень хорошо представляю себе их дом. — Вилинка так часто описывала его в своих письмах. Ах, это настоящая вилла! Внизу находятся гостиные и столовые, а наверху — спальни. Окна широкие, белые, с серебристыми жалюзи, чтоб солнце не портило мебель. Перед вилой сад. Вилинка обожает цветы! В Турополе у нас был садик, и Вилинка всегда следила за ним и ухаживала за цветами. Там росли самые обыкновенные цветы, но теперь у неё орхидеи, хризантемы, камелии... Сад огорожен, в центре забора ворота с небольшим навесом, чтоб дождь не повредил электрический звонок. Вы без труда найдёте их дом.

Мы стояли на перроне. Лазарь сиял, как ясное солнышко, а я едва сдерживал слёзы.

— Мне жаль отпускать тебя, сынок, — ласково сказал отец. — Но другого выхода у нас нет.

— Я понимаю, папа, — проговорил я, отворачиваясь, чтоб он не видел моих слёз. — Понимаю...

— Приглядывай за Лазарем, — сказала мать. — Он ещё маленький. И пишите нам!

Чем дальше отъезжали мы от Суботицы, тем тяжелее становилось у меня на душе. Впервые в жизни я должен был жить отдельно от семьи, и это угнетало меня. Невидящими глазами смотрел я в окно. Мне казалось, что поезд везёт нас в неведомую даль, откуда нет возврата. Чтобы отвлечься от горьких дум, я закрыл глаза и мысленно перенёсся в нашу уютную комнату. Напряжённый слух мой улавливал ласковый голос отца, звонкий смех Милены и тихие, размеренные слова матери, всегда вселявшие в меня бодрость и надежду. Тут я открыл глаза и увидел, что нахожусь в поезде. Сердце моё сжалось от боли, ком подступил к горлу, но я подавил слёзы — неловко было перед Лазарем, как-никак я считался уже взрослым.

— А какое на вкус птичье молоко? — спросил вдруг Лазарь.

— Птичьего молока не бывает, — засмеялся я. — Так только говорят.

Но Лазарь не поверил. До самого Шабаца он неутомимо расспрашивал меня о птичьем молоке.

В Шабаце сошло много народу. Я крепко держал Лазаря за руку.

— Дяденька, вы не знаете, где живёт Милентие Бибер? — спросил я одного степенного седовласого человека.

— Нет, не знаю, — ответил он. — Я не здешний. Я из Дёбрга.

— Я покажу вам, — предложил свои услуги какой-то гимназист, слышавший мой вопрос. — Откуда ты, малыш?

— Из Суботицы.

— А это твой брат? — Он показал на Лазаря.

— Да.

Гимназист вытащил из кармана сигарету, зажёл и, прикрыв её рукавом, стал пускать кольца голубоватого дыма. Мы с Лазарем шли за ним.

— Ты тоже из Суботицы? — обратился гимназист к Лазарю.

— Да, дядя.

— Гм! Никогда не слышал об этой вашей Суботице!

Мы дошли до перекрёстка. На углу было кафе.

— Я пойду направо, а вы сверните налево, — сказал гимназист. — Там дом вашего Милентие Перца. В Нижнем переулке. Ну, всего вам!

Нам пришлось спрашивать прохожих, прежде чем мы нашли дядюшкин дом. Никакой ограды вокруг него не было. И никакого сада. Ворота с электрическим звонком тоже отсутствовали. Это был низенький, покривившийся домишко с облупленной штукатуркой и узкими, давно не крашенными окнами. Словом, впечатление он производил самое жалкое и унылое. Я долго стоял перед расшатанной калиткой, не решаясь войти. На всякий случай я спросил ещё одного прохожего, здесь ли живёт Милентие Бибер, и, получив утвердительный ответ, робко толкнул калитку. Она поддалась. Мы вошли в выложенный кирпичом тёмный и сырой двор.

— Ох, — вздохнула тётя Вилинка, увидев нас. — Дядя

Милентие будет вам очень рад. Раздевайтесь, садитесь. Есть хотите?

— Я бы съел слона! — сказал Лазарь, широко открывая рот. — Весь день не ел.

— Ты съел два куска хлеба с маслом и яблоко, — заметил я.

— Разве это еда?! — удивился он.

Тётя Вилинка разохалась, что мы застали её врасплох, что в доме ничего нет, кроме хлеба и брынзы, но, к счастью, у неё много кукурузной муки, и она вмиг сварит мамалыгу. Готовя ужин, она всё время говорила, и Лазарь, утомлённый дорогой, заснул. Пришёл дядя Милентие. Угрюмо покосившись в нашу сторону, он молча сел за стол и закурил дешёвые сигареты с ужасно едким запахом.

— Какой чёрт принёс вас сюда? — пробурчал он с нескрываемой яростью, когда тётя Вилинка поставила на стол мамалыгу. — И так всё идёт кувырком, только вас здесь не хватает!

— Не надо, Милентие, — взмолилась тётя Вилинка. — Они не...

— Молчи! — загремел Милентие и, шумно отставив стул, начал взволнованно ходить по комнате. — Ты соображаешь, что происходит? Кризис, безработица, стачки! Всё рушится и валится. Того и гляди, нас коснётся. А она приглашает этих... этих... в гости! Дура ты набитая, ни о чём не имеешь понятия!

Лазарь проснулся. Он с интересом взглянул сначала на Милентие, потом на меня.

— Это наш дядя? — спросил он.

С налитыми кровью глазами Милентие повернулся к Лазарю.

— Плодятся как зайцы, а потом вешают своих чад на шею другим! — рычал он. — Чего сами о них не заботятся? Тоже благодетелей наши! — Он оттолкнул тарелку с мамалыгой и, хлопнув дверью, вышел вон.

— Он немного нервничает, — сказала тётя Вилинка, накладывая Лазарю добавки, ибо он, несмотря на все громы и молнии, уже слопал свою порцию. — Не обращайтесь внимания на дядю Милентие. Ты, Драган, уже большой и всё по-

нимаешь... Мается он, бедняга, — и товар за купи, и привези его на место, и продай, и даже на дом отнеси. Вертится как белка в колесе... Идём, Лазарь.

Тётя Вилинка уложила нас спать. Лазарь тотчас заснул, а я до полуночи ворочался с боку на бок. Я слышал, как вернулся дядя Милентие. Он долго ходил по двору, распевая хриплым пьяным голосом:

Ах, лужок, ты мой лужок,
Что теперь мне, бедной, делать,
Утопила Сава милого дружка...

Потом пение прекратилось, а из соседней комнаты слышался его храп и приглушённый голос тёти Вилинки.

Дядя Милентие ушёл ещё затемно. Вернувшись, он упорно делал вид, что не замечает нас. Мы прожили у них несколько недель, до того самого дня, когда получили от мамы письмо, в котором она писала, что отец нашёл работу и мы можем вернуться домой.

— Кланяйтесь маме с папой, — сказала тётя Вилинка, кладя в сумку большой тёплый каравай, кусок солонины и несколько яблок. — И приезжайте ещё. Надеюсь, вам здесь было хорошо.

Вечером мы были уже дома. Сославшись на усталость и головную боль, я тотчас же улёгся в постель. А на рассвете незаметно улизнул из дому, нашёл Пишту, и мы вместе отправились на Палич. Мне не хотелось рассказывать дома о нашем житье в Шабаци. Разве мог я сказать правду после всего, что тётя Вилинка сделала для нас?

Через несколько дней пришло письмо от тётушки. Мама читала его вслух, бросая временами на отца взоры, полные укоризны.

— Да, вот у Вилинки жизнь так жизнь! — вдохновенно воскликнула мама, окончив чтение. — Подумать только, они покупают автомобиль! А осенью поедут в Вену...

Мать вновь и вновь перечитывала письмо, а я ушёл в комнату и, уткнувшись головой в подушку, залился слезами. В ушах у меня звучал самый печальный голос, какой я когда-либо слышал, голос моей доброй и милой тёти Вилинки:

«Надеюсь, вам здесь было хорошо».

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

Когда я встречаюсь со своими братьями и сёстрами, разговор у нас как-то сам собой переходит на детство. Недавно я был у Виты. Мы сидели на веранде, любуясь Дунаем и чернеющим на той стороне лесом.

— А помнишь нашего соседа Игнатия Аполлоновича Борисова? — спросил вдруг Вита.

— Словно вижу его перед собой! — живо ответил я. — Высокий, костистый, с курчавыми волосами, всегда блестящими от разных масел и помад. Вся улица благоухала, когда он шёл. И одевался он как-то необычно. Часто ходил в чёрном сюртуке, широких полосатых брюках и узеньких лакированных ботинках. «Настоящий светский человек, — говорила про него мама. — Посмотрите, какой он элегантный, подтянутый, как следит за собой. Позавидовать можно». Ещё у него была чёрная трость с серебряным набалдашником, которой он размахивал, как фокусник, прежде чем вытащить из шляпы зайца или голубя. Держался он чересчур надменно, с соседями знакомства не водил, а если кто-нибудь с ним здоровался или старался заговорить, он презрительно отворачивался или делал вид, что разглядывает бегущие по небу облака.

— Точный портрет! — засмеялся Вита. — Мы все считали его русским. Помнишь, отец называл его «этим противным белым», что приводило меня в крайнее недоумение. Как-то я спросил отца, что это значит. Разве мы не такие же белые, как Игнатий Аполлонович Борисов?

— Отец иногда рассказывал нам о борьбе красных и белых в России, — продолжал Вита. — Я очень любил эти его рассказы. В то время я запоем читал книги про индейцев и был уверен, что в России тоже шла война между краснокожими и белыми. Признаюсь, всем сердцем и душой я был на стороне белых. Отец же, как ни странно, был на стороне красных.

— Почему тебе хочется, чтоб побеждали индейцы? — спросил я его однажды.

— Какие индейцы? — удивился он.

— Да красные, про которых ты всегда рассказываешь!

— Ты ещё слишком мал, — сказал отец. — И глуп вдобавок. Красные вовсе никакие не индейцы!

— Ну и сказанул! — надулся я. — Не собираешься же ты утверждать, что красные — это белые.

Отец ласково посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Красные — белые. Но есть среди них и жёлтые, и чёрные, и даже красные!

Я решил, что он просто пьян. Но тут же уверился в обратном. Я был в полной растерянности.

— Ну и тупица же ты! — сказал отец в ответ на мой вопросительный взгляд.

— Не обижай мальчонку! — строго одёрнула его мать.

— Ладно. Приказано не обижать, не буду. Но в таком случае прикажи ему не задавать мне глупых вопросов.

Я вновь занялся упражнением по сербскому языку, которое мне задал отец, чтоб я не слонялся из угла в угол.

«День был чудесный», — прочёл я первое предложение. Мне было невыносимо скучно. Вы с Лазарем гостили тогда у тётки Вилинки, и я просто умирал от зависти, представляя себе, как вы сейчас играете, лакомитесь шоколадом и яблочным пирогом, а я вот сижу за каким-то глупым упражнением. Я долго зевал и потягивался, прежде чем взяться за дело, но всё же сделал упражнение и стал читать его вслух. «День был чудесный». Вдруг кто-то постучал в дверь. Отец вздрогнул. Мать пошла открывать. «День был чудесный». Я глянул в окно. На улице лил дождь!

— Кто там? — крикнул отец.

— Милутин, скорей иди сюда! — испуганно позвала мать. — Тебя спрашивает господин Игнатий. Говорит, у него срочное дело.

Отец так скривился, будто съел полкило соли.

— Мне как раз не хватает этой белой крысы! — проворчал он нарочно громко, чтоб господин Игнатий мог его слышать. — Вот уж незванный гость!

Он вышел в сени, а я на цыпочках подкрался к двери.

Господин Игнатий протянул отцу руку. Отец взял её кончиками пальцев, как дети берут лягушку или противного жучка.

Господин Игнатий приблизился вплотную к отцу и что-

то доверительно зашептал ему. Мать, заметно взволнованная, стояла в сторонке, в нескольких шагах от них.

Я не слышал, что говорил господин Игнатий, видел только, что слова его буквально ошеломили отца. Он одобрительно кивал головой, то и дело восклицая: «Чёрт возьми!» или «Ах, вот как! Вот как!» Но больше всего меня удивило, что с господина Игнатия начисто соскочило то надменное выражение, за которое его не любили.

— Что?! — изумился отец. — И Тибор Рожа с вами?

— Да, — ответил господин Борисов. — Надо спешить!

Отец быстро обернулся и, показывая на меня пальцем, сказал матери:

— Запри на ключ эту полицейскую ищейку. Задвинь задвижку и на всякий случай вбей в дверь два-три гвоздя! Идёмте, господин Игнатий!

Они ушли, а мать вернулась в комнату и плотно притворила за собой дверь.

— Куда они пошли? — спросил я.

— Прогуляться.

— Ну и выбрали денёк!

— Иные любят гулять в дождь, — сказала мать, подходя к окну.

— Что-то я раньше не замечал этого за папой! — съязвил я. — И господина Игнатия он всегда зовёт «этим противным белым!» И вдруг...

— Молчи! — сердито перебила меня мать, принякая лицом к запотевшему стеклу.

Скрипнула входная дверь, из сеней донеслись шаги и какой-то шум. Мать всё ещё смотрела в окно, и я благополучно выскользнул в сени.

Отец, господин Игнатий и ещё один человек, которого я никогда раньше не видел, несли два больших ящика и части какого-то странного станка. С их одежды, сплошь перепачканной машинным маслом, ручьями стекала вода.

— Наш пострел везде поспел! — воскликнул отец, увидев меня. И обратился к господину Игнатию и незнакомцу: — До свидания! Не беспокойтесь. Приходите, когда всё уляжется. Всё будет в целости и сохранности. А тебе, товарищ Рожа, я ещё должен яблочный пирог!

Господин Игнатий и незнакомец, забыв затворить за собой дверь, быстро сбежали по ступенькам.

— Куда они так торопятся? — поинтересовался я.

— В театр! — ответил отец и глубоко вздохнул. — Иди сюда, мы тоже посмотрим спектакль!

Мы подошли к матери и тоже стали смотреть в окно. Я видел, как живший напротив нас господин Игнатий вошёл в дом, а незнакомец, шлёпая по лужам, заспешил вниз по улице. Вот он завернул за угол, и улица опустела. Я слышал только шум дождя да свист ветра, напоминавший протяжные звуки волынки.

Мы всё ещё стояли у окна.

— Чего мы ждём? — с досадой спросил я отца.

— Имей терпение! — ответил он и взглянул на часы. — Ещё рано.

— А я боялась, что вы не успеете! — вздохнула с облегчением мать. — Тебе, Милутин, пришлось бы плохо. Ведь ты и так уже значишься во всех чёрных списках!

— Беспричинный страх! — с каким-то насмешливым озорством сказал отец. — Хорошенько открой глаза, господин шпик! Вон идут твои коллеги!

Я прилип носом к стеклу. На улице появились двое в чёрном. На некотором расстоянии от них бодро шагал отряд жандармов.

— Как ты думаешь, кого они хотят проведать? — обратился ко мне отец.

— Господина Игнатия Аполлоновича Борисова! — выпалил я как из пулемёта.

Отец с удивлением посмотрел на меня.

— А ты не так глуп, как я погляжу! Может, ты знаешь, зачем они пришли?

Я пожал плечами.

— Ладно, — сказал он, прячась за занавеску. — Потом объясню. А сейчас наслаждайся приятным зрелищем! Шекспир в сравнении с ним ничто!

Жандармы вошли в дом господина Игнатия. Вскоре я увидел, как в окошке замелькали их тени. Двое влезли на крышу. Поддерживая друг друга, они ползком добрались до дымовой трубы, встали во весь рост и, скривив лицо в брезг-

ливой гримасе, заглянули внутрь. Не знаю, что там было интересного, только они долго смотрели в трубу и так смешно вертели головами, что я расхохотался. Родители тоже весело смеялись. Потом один жандарм вышел на улицу и стал прикладом простукивать стену. Очевидно, что-то показалось ему подозрительным, он приложил к стене ухо, и потоки дождя заструились по его лицу и шее. Когда он отошёл от стены, я увидел, что лицо его посинело. Отец указал на него пальцем, и все мы залились весёлым, лукавым, совершенно беззаботным смехом.

Жандармы долго пробыли у господина Игнатия. Наконец они удалились. Господин Игнатий с любезной улыбкой проводил их до ворот. Раздосадованные и посрамлённые, жандармы тяжёлым широким шагом направились в казарму, чтоб высушить свои мундиры, висевшие на них, точно ветошь на огородных пугалах.

Улица снова опустела. Опять слышался шум дождя и глухой, протяжный вой ветряных волюнок. Отец отошёл от окна и растянулся на кровати.

— Поди сюда, сынок, — позвал он меня, когда немного отдохнул. — Я хочу кое-что растолковать тебе. Господин Игнатий печатал прокламации Коммунистической партии. Он вовсе не белый, а красный. А кроме того, он такой же эмигрант, как ты, я, твоя мама или тётя Вилинка! Знаешь, откуда родом этот досточтимый Игнатий Аполлонович Борисов? Из Никшича! Ясно?

— Да, — сказал я.

Но это была неправда. Я ничего не понял.

Несколько месяцев я размышлял об этом событии. Конечно, многое оставалось для меня неясным, но я научился думать и по-другому смотреть на вещи. И этим я обязан «господину Игнатию Аполлоновичу Борисову», настоящее имя которого я так никогда и не узнал. Но разве дело в имени? Важно, что он был мужественным, благородным и честным человеком, важно, что он был красным!

НАШИ РОДСТВЕННИКИ

А теперь, сынок, я познакомлю тебя с нашей роднёй. Я всегда считал, что у нас нет никого, кроме тёти Вилинки и дяди Милентие Бибера. Правда, отец иногда рассказывал о нашей бабушке, которая жила в Черногории, в Пиве. И как жила! Как царица! У неё был большой замок, пятьдесят, а может, и больше слуг, целая конюшня арабских скакунов, да ещё поля, луга и сады.

— И всё это принадлежит ей? — удивлялся я.

— А то кому же? Бабушка живёт как сказочная царица! Каждый день ей доставляют рыбу из Скадарского озера и реки Црноевича, бананы из Бара, инжир и апельсины из Улциня.

— Как это у неё не испортился желудок? — ехидно спросила мать.

— Привыкла, — небрежно ответил отец. — А кроме того, она любит финики, кокосовые орехи, ананасы — словом, южные фрукты. И знаете, что она делает? Посылает самолёт в Ирак. «Привезите мне двести граммов фиников к обеду и половину кокосового ореха к ужину». Она может себе это позволить!

— Вздор! — сказала мать. — Вот Вилинка и в самом деле живёт припеваючи. Дети убедились в этом. А ты всё выдумываешь.

После этого разговора мы долго не вспоминали ни бабушку, ни тётю с дядей. Но в один прекрасный день отец сказал:

— Дети, сегодня к нам в гости придёт один родственник.

— Бабушка? — обрадовался я.

— Тётя Вилинка? — прошептала Милена.

— Дядя Перец? — подал голос Лазарь.

— У нас и кроме них есть родственники! — с достоинством произнёс отец. — Много родственников! И с каждым днём их будет всё больше. Сегодня к нам придёт дядя Рокуш.

Мы растерянно переглянулись. Ни о каком дяде Рокуше мы и слыхом не слыхали.

— А кто он нам? — спросила Даша.

— Дядя.

— Он твой брат? — удивился Вита (нам было известно, что у отца нет ни братьев, ни сестёр).

— Мне он не брат, — отец начал сердиться, — но вам дядя! Поняли?

Дядя Рокуш всем нам очень понравился. Он долго играл с нами во дворе и вдруг запел. Сначала он спел одну сербскую песню, потом мадьярскую и, наконец, русскую. Мы и не заметили, как пролетело время.

— Как вам понравился дядя Рокуш? — спросил отец и, не дожидаясь ответа, прибавил: — Вечером к нам придут ещё два дядюшки.

— А откуда они приехали? — любопытствовал Лазарь. — Как их зовут?

— Так я тебе и сказал! — Отец дёрнул его за ухо. — Будешь много знать — скоро состаришься. Судья Фаркаши и тот так не любопытничает.

Я вгляделся в отца и с изумлением заметил, что за то время, пока мы с Лазарем гостили у тёти Вилинки, он очень изменился. От его всегдашней весёлости не осталось и следа, на лицо легли мрачные тени, не слышно было его беззаботного смеха и шуток. А по вечерам, с первыми сумерками, он незаметно исчезал из дому и возвращался лишь под утро, чтоб немного поспать перед работой. Однажды он то и дело забегал домой с какими-то пакетами, которые складывал в сарае в дальнем углу двора. Мне давно уже бросилось в глаза, что сарай теперь всегда на запоре, тогда как раньше двери его никогда не закрывались. Всё это казалось мне весьма загадочным, и я решил напрямик поговорить с отцом.

— Папа, я хочу знать, чем ты занимаешься, — сказал я, когда мы остались одни. — Что в этих пакетах, которые ты так заботливо хранишь в сарае?

— Ты умеешь молчать? — таинственно спросил он.

— Смешной вопрос!

— Я жду ответа!

— Умею молчать, как рыба, как немой, как утопленник. Хватит с тебя?

— Тогда слушай: в этих пакетах фальшивые деньги! — прошептал он. — Надоело жить в нужде, хочу разом разбо-

гатеть. По-моему, это самый быстрый, верный и самый лёгкий способ. Теперь ты всё знаешь, ступай-ка умойся!

— Я уже не маленький, — в голосе моём звучала обида, — и хочу знать про твои дела!

Отец посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

— Как летит время! — вздохнул он. — Я и не заметил, как ты вырос. Что поделаешь, с родителями такое случается. А почему тебя интересуют мои дела?

— Я мог бы помогать тебе, — проговорил я, растягивая слова. — Я могу быть хорошим помощником...

Заявились оба дядюшки, и разговор наш оборвался. Родственники подарили нам кулёк конфет и плитку шоколада. Мы поделили всё поровну, но моя доля тут же перекочевала к Лазарю — этот маленький обжора с рёвом заявил, что умрёт на месте, если ему не дадут добавки.

— Значит, это дядя Андра и дядя Тибор, — представил нам их отец. — Дядя Андра и дядя Тибор...

Я с улыбкой посмотрел на дядю Тибора — ведь это был Тибор Рожа, сын дядюшки Михаля. С тех пор как мы поселились в Суботице, я частенько относил ему письма и книги в депо, где он работал, или домой, в рабочий посёлок. Он весело подмигнул мне.

Вита пристально смотрел на дядю Тибора.

— Что глаза вылупил? — накинулся на него отец. — Никогда не видел людей, или, как это по-научному говорится, homo sapiens?¹

Вита пропустил мимо ушей вопрос отца и обратился к дяде Тибору:

— А я вас видел! Когда вы с господином Игнатием принесли ящики. У вас всё пальто было в масле...

— Тебе померещилось, — поспешил ответить отец. — Он здесь первый раз. Пошли в дом. Играйте, дети. Раз, два, три, кто остался, тот води!

С тех пор родственники навещали нас чуть ли не каждый день. Мы вконец запутались в том, кто нам дядя по отцу, кто по матери, кто племянник, кто двоюродный брат. Отец именовал их нашими родственниками. Я привык уже

---

¹ Разумное существо (лат.).

весь мир считать своей семьёй, но, признаюсь, два новых родственника окончательно сбили меня с толку.

— Послушай, сынок, — сказал мне как-то отец. — Сегодня мы устроим небольшую вечеринку. Карнавал, маскарад, фейерверк! Я только что был у нашего хозяина. Ты знаешь, он вечно в разъездах и поймать его труднее, чем жар-птицу. Увидел я, что он вернулся, и сразу к нему. «Вот, говорю, газда Фр́ане, плата за пять месяцев — одни золотые дукаты и серебряные гроши!» А он в ответ: «Сядь, Милутин». Разговорились мы с ним, и в конце концов выяснилось — нет, ты просто не поверишь! — что он тоже доводится нам роднёй. Разве это не чудесно?

— И он наш родственник? — изумился я.

— Один из самых близких! Что-то вроде двоюродного брата. Прекрасный человек!

— Значит, мы не будем платить за квартиру?

— Ты угадал! — весело воскликнул отец. — На эти деньги мы малость кутнём. Дуйте с Пиштой к Турину за вином, потом к мяснику Ленджелу за колбаской. Какой сегодня день? Пятница? Прекрасно! Только смотри, чтоб мать не увидела, как будешь возвращаться. Ах, порой чертовски хочется жить на свете! «Музыканты, подайте мне шотландскую волюнку!»

Второй родственник озадачил меня ещё больше. Он был огромного роста, голову его покрывала короткая чёрная щетина, а на улыбчивом лице, точно рассыпанные черешни, темнели большие веснушки. Мне показалось, что он тоже смущён этим неожиданным знакомством.

— Наш родственник! — лаконично сказал отец. — Доктор Моисей Сем.

Я улыбнулся и протянул доктору Моисею руку. Он спросил, как меня зовут. Я ответил.

— Так, так, — сказал он рассеянно, расплылся в улыбке и ушёл.

— Ведь он еврей? — спросил я.

— Разумеется, — засмеялся отец. — Он мог бы быть раввином в синагоге.

— Какой же он нам родственник? — вмешался Вита. — Мы же сербы.

- Ваша мать хорватка! — значительно проговорил отец.
- Допустим. А кто у нас еврей?
- Отец опять засмеялся:
- Доктор Моисей Сем! Вот кто!

Так я познакомился и подружился со многими нашими родственниками. А вскоре мне представился случай увидеть их всех вместе. Была пасха, и отец пригласил их в гости. Когда все собрались, мать подала им кофе с бутербродами, а потом повела детей во двор, где был большой стол, уставленный разными яствами, раскрашенными яйцами и пирожными.

— А ты чего ждёшь? — спросил отец, задумчиво поглядев на меня. — Почему не идёшь есть? Или ты не голоден?

— Я хочу остаться! — сказал я, сам удивляясь тому, как серьёзно и настойчиво прозвучал мой голос. — На меня ты вполне можешь положиться!

— Гм... — Отец немного подумал. — Оставайся...

В комнате воцарилась тишина. Тогда встал один наш родственник, кажется его звали Антал, и возгласил:

— Товарищи, заседание окружного комитета Коммунистической партии считаю открытым...

Я неподвижно сидел в углу и смотрел на дядю Андру, дядю Тибора, доктора Сема, счастливый и гордый тем, что я тоже член этой большой и славной семьи.

ВЫБОРЫ

Когда мама делает уборку, мы все ей мешаем. Сядем на кровать, она кричит: «Что вы уселись на кровати?»; переберёмся на кушетку: «Другого места не нашли?»; уйдём на кухню: «Только вас здесь не хватает! Ох уж эти мужчины, и какой от вас прок!» Где бы мы ни сели, где бы ни встали — всюду мы ей помеха.

— Сегодня у меня уборка, — сказала мать. — Надеюсь, я выразилась достаточно ясно?

— Ещё бы! — воскликнул отец. — Исчезаем до обеда.

— И Пишту возьмём? — спросил я.

— Конечно. Без него мы просто умрём со скуки!
— А куда это вы направляетесь? — поинтересовалась мама.

— На факультет, — ответил отец. — Мы же учёные мужи!

— В добрый час, только смотри, Милутин, много не пей!

Не удивляйся, сынок, мама знала, что говорила. Водился за отцом такой грешок, любил он выпить, а выпивши, шумел и распевал бесконечную песню:

Гей, грянул выстрел в Видине,
Слышно было в Чустендиле...

В народе эту песню поют по-другому, отец переделал её на свой лад. Так она ему больше нравится, да и легче запомнить слова собственного сочинения.

За смехом и разговорами дошли мы до факультета. На встречу нам то и дело попадались орудия толпы с флагами и транспарантами. В одной толпе мы заметили преподобного Амврозия, вернее, его большую чёрную шляпу, румяное лицо и белоснежный воротник. И лицо, и шляпа, и воротник были такие застывшие и неподвижные, точно их высекали из камня.

Пишта нахально показал ему язык, а я, не придумав в ту минуту ничего лучшего, крикнул: «Амврозий — осёл!» К сожалению, святой отец был слеп и глух, и вообще вид у него был такой, словно он парил под небесами.

Возле факультета мы остановились. Наказав нам ждать его у входа, отец торопливо вошёл внутрь. Я знал, что он отправился к доктору Моисею Сему, читавшему здесь римское право. Доктор Моисей Сем отличался большим умом и редкой образованностью, но, как и мой отец, имел одну низменную страстишку — любил выпить.

«А почему бы не выпить? — говаривал он. — Бог создал вино не для одних дураков. Оно прополаскивает мозги».

Доктор Моисей Сем часто заходил к отцу. Они подолгу беседовали, сначала тихо, сдержанно, вполголоса, но постепенно воодушевляясь и буквально захлёбываясь словами. Мне казалось, что слова с разлёту ударялись друг о друга и ломались со звоном, точно копья. В такие минуты собесед-

ники забывали обо всём на свете. Я не прислушивался к их разговорам — всё равно непонятно, но отдельные слова возбуждали во мне особый интерес. Стараясь проникнуть в их тайный смысл, я снова и снова повторял про себя: социализм, Ленин, Маркс, диалектика, исторический материализм, Плеханов, Анти-Дюринг...

Как-то доктор Сем с удивлением спросил отца:

«Откуда вы всё это знаете?»

И мой отец, менявшийся, как весеннее небо, умевший быть то серьёзным, то ребячливым, ответил с улыбкой:

«Сорока на хвосте принесла!»

Доктор Сем смеялся как иступлённый. Думаю, что этот случай и положил начало их дружбе. Теперь они встречались гораздо чаще — то у доктора Сема, то у нас, а время от времени в кафе у Турина.

Кафе это находилось как раз напротив факультета. Хозяин его, Турин, был маленький круглый человечек с кривыми ногами и непомерно большой головой. К тому же он был глуп как пробка. Стоило только перекинуться с ним несколькими словами, и вы тотчас же убеждались в его необычайном тупоумии.

— Господин Малович, профессор Сем! — кричал он, едва завидев их. — Милости прошу! Всегда рад хорошему человеку! Ха-ха-ха...

Друзья здоровались с хозяином и садились за столик, а Турин тут же приносил им литр белого вина и две рюмки.

— Не угодно ли чего-нибудь для детишек? — спросил Турин.

— Три малиновой, — ответил отец.

— Три малиновой? — переспросил Турин, явно возмущённый тем, что отец заказывал воду и для Пишты — ведь в его глазах он был «жуликом, про которого всему городу известно, что он украл церковные деньги у отца Амврозия».

— Три порции малиновой, чёрт побери! — сердито крикнул отец. — Egy, kető, három!..¹

— Хорошо, господин Малович. — Турин изобразил на

---

¹ Egy, kető, három!.. (венг.) — Один, два, три!..

лице угодливую улыбку и, бросив на Пишту презрительный взгляд, пошёл выполнять заказ.

В будние дни в кафе бывало мало посетителей, но на этот раз все столики были заняты, даже у стойки толпился народ.

— Через несколько дней будут выборы, — сказал Пишта, как бы прочитав мои мысли.

— Он всегда в курсе событий, — заметил доктор Сем, когда мы выпили малиновую воду. — Ступайте, дети, на улицу, а ты, Пишта, объясни им всё, что нужно.

— Ну, начинай! — язвительно потребовал Вита, только мы вышли из кафе.

— На выборах я наедаюсь от пуза, — похвалился Пишта. — А в прошлый раз, когда выбрали господина Каначки, я даже забил деньги.

— Ты? — удивился Вита. — Врёшь.

— Клянусь родной матерью, не вру!

— Вольно ж тебе клясться матерью, когда её нет! — пробурчал Вита.

Мы знали, что Пишта круглый сирота и с малых лет живёт на улице. Такая жизнь не прошла для него бесследно: он вырос крепким и выносливым парнишкой, чуточку недоверчивым к людям, большим насмешником и острословом, но при этом он не был ни озлоблен, ни ожесточён. Напротив, с какой-то удивительной бодростью переносил он жизненные бури и невзгоды. Я никогда не слышал от него ни слова жалобы и просто остолебенел от удивления, когда он вдруг разразился горькими, безутешными слезами. Голова его свесилась на грудь, а худые, опущенные плечи тряслись как в лихорадке. Грубые слова Виты задели нечто такое, что он прятал глубоко в своём сердце, и вся его печаль вдруг прорвалась и хлынула наружу бурным потоком.

— Ты гиппопотам! — обругал я брата. — Не плачь, Пишта. Смотри, что я тебе дам!

Я протянул ему чудесный красный карандаш, недавно подаренный мне отцом. Пишта безучастно поднял голову, но, увидев красный карандаш, сразу оживился. Он уже не раз просил у меня карандаш хотя бы на денёк — просто поносить в кармане, но я не давал, боялся, что потеряет. Говоря

по правде, слова эти вырвались как-то помимо моей воли, и мне стало жаль карандаша, лишь только я его предложил.

— Ты отдаёшь мне карандаш? — спросил Пишта, протягивая руку.

— Да.

— Насовсем?

— Да, да! — прокричал я, злясь на самого себя за свою поспешность.

— Зачем ты ему отдал карандаш? — спросил Вита.

— А тебе лучше помолчать! А то я за себя не ручаюсь.

В эту минуту в конце улицы появилась большая толпа. Над ней плыли флаги, транспаранты и два огромных портрета, с которых смотрела на нас препротивная хмурая рожа, намалёванная так грубо, что мне стало жутко.

— Да здравствует господин Дакич! — крикнул кто-то из толпы. Голос его, как мячик, покатился по улице.

Видимо, кричавший был очень доволен собой: не успели замереть последние звуки, как он заорал ещё истошнее:

— Да здравствует господин Дакич! Да здравствует народный депутат!

Пьяная толпа ответила ему каким-то невнятным бормотанием.

Крикун остановился и вперил взгляд в золотые буквы вывески над входом в кафе Турина. Он бессмысленно вращал своими мутными глазами, стараясь, вероятно, понять смысл написанного. Вдруг он громко откашлялся, сплюнул и завопил:

— Вперёд — к Турину!

И вся орава стремительно хлынула в кафе, увлекая за собой и нас. Человек с флагом вскочил на стол и разразился громовой речью. Во всей толпе он один не был пьян.

— Всякий, — кричал он, — у кого в голове не солома, а мозги, должен голосовать за Дакича. Почему именно за него? Потому что господин Дакич честный, добрый, искренний, трудолюбивый человек, пламенный патриот и примерный гражданин, больше всего пекущийся о благе народа. И если вы желаете добра своей стране, народу и самим себе, то отдавайте свои голоса за господина Дакича. Долой вора и негодяя Каначки!

Я равнодушно слушал все эти тирады во славу господина Дакича, но при последних словах меня словно прорвало.

— Правильно! Долой Каначки! Да здравствует Дакич! — вдохновенно прокричал я и изо всех сил захлопал в ладоши.

Пишта с Витой последовали моему примеру.

— Мальчик, иди сюда! — позвал меня оратор. Толпа утихла. — А ну-ка скажи этим людям, кто такой Каначки!

Я взобрался на стол и крикнул что было мочи:

— Каначки вор и негодяй!

— Повтори ещё раз!

Я был вне себя от счастья: кто бы мог подумать, что мне представится случай публично высказать своё мнение о человеке, по милости которого меня выбросили из школы и которого я ненавидел всеми силами своей души?

— Каначки вор, мошенник, мерзавец и негодяй!

— Вот тебе десять динаров, — сказал оратор. — Ты их заслужил. Смотрите, он ещё ребёнок, но уже знает, за кого надо голосовать. Откуда он это знает? Сердцем чувствует, господа хорошие, одним своим чистым детским сердцем, которое всегда безошибочно отличает добро от зла. Да здравствует Дакич! Турин, ставь вино! Пейте сколько хотите! И помните, вас угощает господин Дакич!

— Спасибо, но мы выпили уже целый литр, — попытался отказаться доктор Сем. — Больше не можем.

— Значит, вы против народа? — загремел оратор, а толпа мигом окружила друзей, готовая в случае отказа растерзать их на части.

— Я полагаю, что мы с народом! — сказал отец. — Турин, литр белого!

— Послушай, мальчик, — обратился ко мне оратор, — хочешь заработать?

— Хочу!

— Писать умеешь?

— Как угодно — и славянскими и латинскими буквами. А доктор Сем выучил меня даже греческим.

— Да, да, альфа, бета, гамма, дельта... Вот тебе мел. Будешь ходить по улицам, и всюду, где тебе понравится, пиши: «Да здравствует Дакич!», «Голосуем за Дакича!». Я заплачу

тебе пятьдесят динаров. — И обратился к Вите с Пишкой: — Может, вы тоже займётесь делом?

— Конечно, — ответил я за них. — Папа, ты разрешаешь?

— Пожалуйста... По крайней мере, поупражняйтесь в чистописании! — сказал он и громко запел:

Гей, грянул выстрел в Видине,
Слышно было в Чустендилье.

А доктор Моисей Сем замурлыкал старую песенку.

— Вперёд! — скомандовал я своей гвардии.

Мы расписали двери Турина и двинулись дальше. Соседняя улица вывела нас к школе. Мы в растерянности остановились.

— Пишите! — распорядился я после недолгого раздумья. — Нечего её щадить! Она нас не жалела.

Мы исписали уже всю стенку лозунгами: «Да здравствует Дакич!», «Голосуем за Дакича!» — как вдруг я сообразил, что мы тратим мел на одного Дакича.

— Стой! — крикнул я ребятам. — Мы совсем забыли про Каначки.

— Правильно, — весело сказал Пишта и тут же огромными буквами вывел: «Долой вора и негодяя Каначки!» А Вита нарисовал под лозунгом осла и приписал: «Это Каначки! Хотите, чтоб вашим депутатом был осёл?»

Мы обходили улицу за улицей, оставляя за собой сотни дакичей и каначки. Наконец запасы мела, который нам дал оратор, иссякли, и я предложил подкупить ещё мела на свои деньги.

— Ты что, сдурел? — накинулся на меня Вита. — Зачем нам это надо?

— Затем, чтоб вор и негодяй провалился на выборах! Из-за его милого сыночка нас вышибли из школы. Ну и короткая у тебя память.

— Подлиннее, чем ты думаешь, только я всё равно не дам ни динара!

— Я дам! — сказал Пишта. — Каначки плохой человек. Вита пристыженно понурил голову.

— Чего лезешь не в своё дело? — глухо проворчал он. — Ну ладно, сколько с меня?

Мы купили три коробки мела и трудились в поте лица до самых сумерек. Почти все дома в городе были разукрашены нашими каракулями.

Оставшиеся до выборов пять дней были самыми длинными в моей жизни. Я испытывал нетерпение человека, ожидающего на вокзале поезда. Я просыпался чуть свет, работал в огороде, подметал двор, читал, писал, старался днём поспать, бродил по городу, удил рыбу на Паличе... Я просто не находил себе места. Не думай, сынок, что я так переживал за господина Дакича. В конце концов мне было совершенно

безразлично, кто займёт депутатское кресло — богатый помещик или ещё более богатый фабрикант. Но в глубине души мне всё же хотелось, чтоб господин Каначки с треском провалился. Тогда я был бы отомщён. К тому же я чувствовал, что провал Каначки внесёт в мою жизнь что-то светлое и прекрасное. Несмотря на все наши злоключения, во мне жила надежда на что-то хорошее, что ожидает меня впереди.

Наступил день выборов. Все мои страдания как рукой сняло, когда я узнал, что господин Каначки не прошёл в депутаты. Такое событие надо было отметить, отпраздновать с подобающей случаю пышностью. У меня оставалось немного денег, и я пригласил Пишту с Витой в кондитерскую — лакомиться пирожными с лимонадом. А Даше, Милене и Лазарю купил медовых конфет, от которых, если верить написанному на кулках, «человек поздоровеет, станет сильным, точно лев».

Весь мир как-то сразу похорошел в моих глазах.

«Если хочешь увидеть чудо, верь в него, и оно придёт», — сказал поэт. А я верил в него твёрдо и непреклонно.

Дня через три после выборов отец пришёл с работы неожиданно рано. Он был в самом отличном расположении духа, смеялся, шутил, балагурил, и слова его заражали всех такой же весёлостью и радостью.

— Господа графы, — обратился он к нам с Витой, — нуте-ка быстренько умойтесь и обуйтесь! Чтoб выглядели так, будто вас только что вынули из коробки!

— А куда мы пойдём? — спросил Вита.

— На придворный бал! — засмеялся отец. — По приглашению их высочеств королевичей Андрея и Томислава!

Я знал, что это значит. Догадка моя превратилась в уверенность, когда мать, вся в слезах, проводила нас до ворот. Отец, держа нас за руки, шагал с гордо поднятой головой. И весь он был такой просветлённый и величавый, что я невольно залюбовался им.

Я молчал, боясь каким-нибудь случайным словом разрушить всё это волшебство. Вскоре мы подошли к школе. Рабочие смывали со стен наши лозунги.

— Вот они, врата рая! — смеясь, сказал отец, подходя к дверям.

Директор встретил нас приветливо и сердечно, предложил отцу сигарету, а нам с Витой фруктовый сок.

— Вы, сударь, умный человек, — сказал он, обращаясь к отцу. — Смею надеяться, что вы правильно поймёте меня. Каначки был тогда депутатом, и я бы лишился места, если бы не поступил так, как поступил.

— К сожалению, это правда, — вздохнул отец. — Могут ли мои сыновья завтра же приступить к занятиям? Им не терпится сесть за парту.

Наутро мы с Витой пришли в школу. Ребята встретили нас весёлым криком. Сына бывшего народного депутата господина Каначки среди них не было. Сразу после выборов он уехал с отцом в Белград.

БОГАТСТВО НАШЕ РАСТЁТ

Давно уже в нашем доме творится что-то странное. Чуть свет отец с матерью куда-то уходят. Куда? Э, сынок, я и сам хотел бы это знать!

— Присматривай за детьми, — сказала мне мать перед уходом. — Оставляю их на тебя. Напомни Вите, чтоб умылся, последи, чтоб Милена не ела руками, и смотри в оба, чтоб Лазарь не слопа чужой завтрак.

— Это всё? Не беспокойтесь.

— Вчера ты так же говорил, — сказал отец, — а когда мы вернулись, тут был дым коромыслом. Удивляюсь только, как вы умудрились за полдня перевернуть весь дом вверх дном.

— А нам помогал Пишта, — сказал я.

— Сегодня он опять придёт? — спросила мать.

Я утвердительно кивнул.

— В буфете хлеб и сало. Дашь ему. Вот ключ.

— Как нехорошо, мама, — обиженно протянул Лазарь. — Ты из-за меня запираешь буфет?

— Нет, из-за Пишты! Чтоб быть уверенной, что он получит свою долю. А сейчас подойдите ко мне, я вас поцелую на прощанье.

— Мама, куда ты ходишь по утрам? — спросил я после поцелуя. — Ты поступила на работу?

— И на какую! Сам чёрт на неё не польстил бы!

— Слушай, сынок, — сказал отец, — типография ба-
стует уже несколько дней. Мама вместе с другими жёнами
рабочих собирает средства для бастующих, варит еду, дерёт-
ся с жандармами, таскает за волосы штрейкбрехеров... Жаль,
что не на кого оставить детей, а то б ты мог увидеть её в де-
ле. Это не женщина, а сущий дьявол! Одного штрейкбрехе-
ра, его фамилия Лозанчич, она так оттрепала, что бедняга
уже неделю не может ни сесть, ни встать. Я и то замирал
от страха, когда она его лупила.

— Возьмите меня с собой! — взмолился я. — Ужасно хо-
чется посмотреть на забастовку: ведь дядюшка Михаль столь-
ко про это рассказывал.

— Ах, юному господину хочется поразвлечься! — вос-
кликнула мать. — А кто будет сидеть с детьми?

— Вита тоже не маленький. Он и посидит.

Мать покосилась на Виту и махнула рукой.

— Ты отлично знаешь, что он с детьми не справится.
Они слушаются только тебя.

— Того и гляди, лопну от гордости, что я такой незаме-
нимый! — сердито проворчал я. — Не увижу этой забастов-
ки, жди потом другой.

— Организуем специально для тебя! — засмеялся отец.

Напрасно я молил и уговаривал — родители были твёрдо
уверены в том, что одному мне под силу «смотреть за деть-
ми» в их отсутствие. Я взглянул на Виту, Дашу, Милену и
Лазаря и вдруг с ужасом ощутил, что в груди у меня подни-
мается волна ненависти к ним. Почему я не единственный
сын, как мой отец? Необходимость остаться дома я воспри-
нял как кару небесную и с нетерпением ждал Пишты, ко-
торый всегда умел разогнать мою грусть-тоску.

Пишта пришёл, как только мы сели за стол. Я отпер бу-
фет и дал ему хлеб с салом. Лазарь посмотрел на сало за-
вистливым взглядом и крикнул:

— Его кусок больше! Пусть поменяется со мной.

Пишта встал и протянул ему свою долю:

— Возьми, Лазарь. Я уже завтракал.

— Спасибо! — Лазарь схватил хлеб с салом и вихрем вылетел во двор. Бежать за ним не было смысла — всё равно не догонишь.

— Сам виноват, — сказал я Пиште. — У него не желудок, а бездонная бочка.

— Но я уже завтракал! С господином Пёпе.

Хочешь послушать про господина Пёпе? Пёпе — это городской сумасшедший. Его знала вся Суботица. И уж никто не величал его господином, его попросту звали Полоумный Пёпе. Тогда ему было лет тридцать, ходил он круглый год в тельняшке и с большим деревянным ружьём через плечо. Затаится, бывало, за толстым деревом и поджидает прохожих. Стоило только кому-нибудь с ним поравняться, как он вскидывал ружьё и с криком: «Пиф-паф! Пиф-паф!» — выбегал на дорогу. Как-то приехала в Суботицу одна англичанка, и Пёпе так напугал её, что у неё случился сердечный припадок. Пёпе отвели в полицию. А когда полицейский писарь стал корить его за то, что насмерть перепугал иностранку, Пёпе засмеялся и рассудил вполне здраво:

— Ну и дура! Умного деревяшкой не напугаешь.

Рассказать тебе про Пёпе? Однажды он стянул у полицейского шинель и форменную фуражку. Сияющий и счастливый, он долго бродил по улицам, а дойдя до базара, вдруг выскочил на дорогу и поднял руку. Проезжавшие на велосипедах горожане узнавали его и только посмеивались в ус. Но ведь на базар приходят жители окрестных сёл. Один велосипедист остановился. Вокруг них мигом собралась толпа зевак. Разумеется, никто и словом не обмолвился, что Пёпе не в своём уме. Пёпе учинил велосипедисту настоящий допрос — кто он, откуда и зачем приехал в Суботицу, а под конец спросил:

— Почему крутишь педаль правой ногой?

— Что?! — воскликнул ничего не подозревавший велосипедист. — Я, как и все, кручу обеими ногами.

Толпа затаила дыхание, чтоб не пропустить ни одного слова.

— Это запрещено законом! — строгим голосом произнёс Пёпе фразу, которую тогда можно было слышать на каждом шагу. На улицах, в кафе, в магазинах, на базарах, даже в

общественных уборных висели таблички, напоминавшие гражданам, что законом «запрещается плевать на тротуар», «водить в парк собак», «продавать фрукты на улицах», «побираться», «обслуживать пьяных посетителей», «тем, кто не умеет плавать, купаться в неогороженных местах» и так далее.

Велосипедист показал рукой на проезжавших мимо людей:

— Посмотрите, пожалуйста, все крутят обеими ногами. Пепе задумался.

— Они живут в Суботице и вольны делать что хотят, — проговорил он наконец. — А ты, бездельник, из Сомбора!

Толпа разразилась гомерическим смехом, а какой-то полицейский, на этот раз настоящий, подошёл к Пепе, взял его под руку и сказал велосипедисту:

— Продолжайте крутить обеими ногами. Извините, пожалуйста, это наш городской сумасшедший...

— Все вы тут сумасшедшие! — сердито крикнул велосипедист и поехал прочь.

Итак, этот самый Пепе накормил Пишту. Этот безумец был великодушен.

После завтрака мы всей гурьбой высыпали во двор, играть в воров и сыщиков. Не успели мы начать игру, как на входной двери весело зазвонил колокольчик.

— Здесь проживает Милутин Малович? — спросил носильщик, шапкой отирая со лба пот. — Этот ящик я должен вручить ему.

— Что в ящике? — поинтересовался я.

— Чёрт его знает! — мрачно ответил носильщик. — Похоже, что камни. С меня семь потов сошло, пока допёр его с вокзала.

— С вокзала? — удивился я. — Кто же вас послал?

— Одна госпожа. — В голосе носильщика слышалась досада. — Ставьте его где хотите.

Носильщик приволок ящик в сени и ушёл. Я кликнул Пишту, чтоб помог мне внести его в комнату, но как мы ни тужились, так и не смогли сдвинуть его с места. Пришлось позвать Лазаря, Милену и Виту.

— Пусть стоит здесь, — сказал Лазарь. — Без подъёмного крана тут не обойтись.

Вскоре опять зазвонил звонок. Я открыл дверь и увидел высокую женщину со смуглым морщинистым лицом и спускавшимся по спине длинными косами. На ней был отделанный золотыми пуговицами жилет и зелёное пальто с шёлковой выпушкой, а голову покрывал большой чёрный платок. Именно так я и представлял себе вилу¹ из сказки.

— Клянусь святым Йованом, — воскликнула женщина, — ты вылитый Милутин! Так, так! Ну, твой отец может спать покойно. Поди ко мне, герой, я тебя поцелую!

— С удовольствием, — сказал я. — В лоб или в щёку?

— А язычок у тебя повострей отцовского! Я твоя бабушка.

— Ребята! — радостно крикнул я. — Это наша богатая бабушка из Пивы! Теперь я знаю, почему сундук такой тяжёлый — он набит золотом.

— Вот и не угадал, — сказала бабушка. — В нём швейная машинка. Это всё моё имущество.

Она нагнулась, взяла ящик, без особых усилий взвалила его на плечо и отнесла в комнату. Мы так и замерли от изумления.

— Ребята, — сказала Милена, — видели?

— Бабушка сама отнесла ящик! — восхищённо воскликнул Вита.

— Я б его и с вокзала принесла сама, да неловко как-то, — сказала бабушка. — Выбросила на ветер десять динаров!

— Бабушка, так ты не богачка? — разочарованно протянул Лазарь.

Наслушавшись рассказов отца, Лазарь представлял себе, как он будет жить в Пиве, скакать по горам на арабском скакуне, а потом отдыхать в постели — слуги будут подавать ему бананы, финики, кокосовые орехи, яблоки, груши, крендели, айву, мясо, шпиг, баклаву, пирожные, мороженое... Полные тарелки, полные миски, полные корзины! Ах, какая дивная, божественная жизнь!

---

¹ В и л а — русалка, фея.

— «Бабушка, так ты не богачка?» — повторила она вопрос Лазаря, делая точно такую же смешную гримасу. — Слушай меня хорошенько, пострелёнок: было б у меня столько золота, сколько нет серебра, я могла бы знаться с царями!

— А папа рассказывал, что ты живёшь в большом замке и у тебя много слуг, табун лошадей, поля, луга, пастбища, — ещё печальнее проговорил Лазарь. — Так это неправда?

— Ах, вот как! — весело воскликнула бабушка. — Я всё это продала и купила швейную машинку.

— Бабушка, — я обнял её, — ты приехала как раз вовремя. Ах, как я тебя люблю!

Бабушка обратила на меня взор, полный недоумения. Но у меня не было времени пускаться в объяснения. Я позвал Пишту, и мы со всех ног понеслись к типографии.

Отца я заметил в большой группе рабочих, стоявших у входа.

— Кого я вижу? — с наигранным удивлением спросил отец, когда мы протолкались к нему.

— Борцов за дело пролетариата! — ответил я.

— Вас-то нам и не хватает! — весело сказал он. — С минуты на минуту начнётся спектакль.

СТАРЫЙ ДОЛЖНИК

В два часа женщины, среди которых была моя мать, принесли бастующим обед. Одному богу известно, где они выкопали большой котёл на колёсах, вероятно ходивший ещё в обозе императора Калигулы. Две женщины катили этот драгоценный котёл, остальные несли корзины с хлебом и тарелками. Они шли неторопливым, но решительным шагом, их хмурые, насупленные лица выражали гнев и ожесточение.

Над улицей нависла тяжёлая, гнетущая тишина. Процессия надвигалась с неотвратимостью грозы или горного потока.

Поперёк улицы выстроился кордон жандармов. Они стояли, опершись на свои ружья, словно вросли в землю, и

казалось, никакая сила не заставит их двинуться с места. На какой-то миг я даже подумал, что это не люди, а огромные пни, невесть откуда взявшиеся посреди дороги.

Перед этой живой стеной гарцевал на норовистой белой лошади жандармский унтер, высоченный большеголовый дитина с огромными, до ушей, усами. Конь под ним храпел и брызгал пеной.

— Личанин! — сказал отец, заметив мой восхищённый взгляд. — Ни дать ни взять — средневековый витязь! Народ в Лике — всё голь перекатная, вот их и вербуют в жандармерию. Одного не могу понять: откуда у них такие усищи?

— Ружья на прицел! — громовым голосом скомандовал унтер, когда женщины приблизились к жандармам. — Стой! Что в котле?

— Жидкая фасоль, — с улыбкой ответила мать. — Знаете, господин Граховец, фасоли у нас было немного, а воды хоть отбавляй, вот и вышло что-то вроде похлёбки.

— Покажите! — грубо потребовал унтер. — И нечего называть меня господином Граховцем. При исполнении служебных обязанностей я только жандармский унтер-офицер!

— Вам бы генералом быть! — тепло сказала мать. — Клянусь, в генеральском мундире вы будете писанный красавец.

— Бросьте вы это, сударыня. — Голос унтера несколько смягчился. — И откройте ваш допотопный котёл!

— Сию минуту. Хотите попробовать, господин Граховец? — Мать взяла из корзинки ложку и с улыбкой протянула унтеру.

— Цирк, да и только! — засмеялся отец. — Видишь, как мать заговаривает зубы Рёле Крылатому?¹

— Проходи! — гаркнул унтер, убедившись в том, что в котле действительно фасоль, а в корзинах хлеб и ложки. — И чтоб вам животы посводило!

— Спасибо! — сказал отец. — И вам того же!

Мать подошла к нам.

— А вас сюда за каким чёртом принесло? — накинулась она на нас с Пишкой. — Почему ты бросил детей?

— С ними бабушка, — сказал я.

---

¹ Рёля Крылатый — персонаж из сербских эпических песен.

— Какая бабушка? Чья бабушка?!

— Наша. Миллионерша из Пивы!

Мать бросила на отца сердитый взгляд. Он безмятежно уписывал свою фасоль.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросила мать.

— Фасоль отличная! — весело ответил он.

— Не строй дурачка. Ты звал её?

— Звал.

— Ну что ж, приехала так приехала. Ума не приложу, где мы будем покупать ей кокосовые орехи и ананасы.

Вдруг послышались крики: «Идут! Идут!» Мать повернулась и быстро пошла к тому месту, где стояли женщины.

— А теперь смотри в оба! — сказал отец. — Ты присутствуешь при историческом событии.

— Я тоже! — гордо воскликнул Пишта.

— Конечно, — подтвердил отец и похлопал его по плечу. — Ты тоже!

По широкой улице под охраной конных жандармов двигалась толпа штрейкбрехеров. Женщины во главе с моей матерью и тётей Марией, работницей типографии, пошли им навстречу.

— Смотри, смотри! — изумлённо воскликнул отец. — Лозанчик опять здесь! Вон тот с кудрями... Значит, мало его лупили, хочет добавки. Видишь, сынок, синяки на его гнусной физиономии? Это всё ручная работа твоей матери.

— А почему мы их не бьём? — спросил я.

— Незачем. У женщин это лучше выходит. Они наш передовой отряд. Разумеется, в случае нужды мы им подсобим.

Штрейкбрехеры и жандармы приблизились к преградившим им путь женщинам.

— Никак, к месту приросли? — крикнул «господин Граховец». — Дайте людям пройти!

— А кто им мешает? — спокойно сказала тётя Мария. — Пусть себе идут на здоровье...

— Господин Лозанчик, вы первый? — крикнула мать.

Отец, Пишта и я — все мы громко расхохотались. Лозанчик грубо выругался, но с места не тронулся.

— Хватит валять дурака! — рявкнул унтер. — Прочь с дороги!

Он дал коню шпоры и двинулся прямо на женщин. Те стояли неподвижно на своих местах. Лошадь унтера прыдала ушами и, бойко выкидывая длинным хвостом, яростно била по мостовой копытами. Вдруг она взвилась на дыбы и вихрем налетела на женщин. Тётя Мария упала, мать отскочила в сторону. Я видел, как она остановилась на минутку, потом повернулась и кинулась к штрейкбрехерам. Белобрысая голова Лозанчика исчезла в общей свалке.

Штрейкбрехеры разлетелись, как испуганные птицы. Но в эту минуту справа, со стороны железнодорожного полот-

на, показался конный отряд жандармов и полицейских, вооружённых резиновыми дубинками. Они неслись прямо на нас.

— Ого! — воскликнул отец. — Держись, сынок! Сейчас пойдёт потеха. Уверен, вы с Пишкой не заскучаете.

Что было дальше, я не помню. На голову мою опустилась дубинка, и я почувствовал, что падаю. Очнулся я в тюрьме. В крошечной камере нас было человек двадцать. Рядом со мной сидели мои дядя — Андра и Тибор.

— Твоё счастье, что голова у тебя крепкая, — не то был

бы уже в царствии небесном! — сказал дядя Тибор. — Болит?

— Ух! — протянул я, ощупывая шишку величиной с орех. — Вот украшение! А где мама с папой? И Пишта?

— Все здесь, — с улыбкой сказал дядя Андра.

— Слушай, — шептал мне дядя Тибор, в то время как дядя Андра стоял у двери, наблюдая в «глазок» за тюремщиком. — Пронюхал-таки этот мерзавец Лозанчич, что печатный станок хранится у вас. Тебя по малолетству первым выпустят на волю. Так вот, прямо отсюда беги в пекарню Андры Дуклянского. Спросишь Милана. Его легко узнать — такой курчавый, черноволосый да и хром на левую ногу... Скажи ему: «Когда посадите в печь кекс?» Повтори.

— «Когда посадите в печь кекс?»

— Хорошо, — продолжал дядя Тибор. — Он ответит: «Посадим, когда народ потребует». Расскажи ему про нас, а потом перенесите станок в дом на улице Обилича — вы там будете жить. Ключи у Милана. Сделаешь?

— Неужто вы сомневаетесь, товарищ Рожа? — обиделся я.

Он весело засмеялся.

— Ни капельки. Кабы сомневался, не стал бы давать тебе такое поручение.

Меня продержали в тюрьме до вечера. Жандармы всё время водили забастовщиков на допрос. Когда повели дядю Тибора, он весело подмигнул мне и поспешил за жандармом с таким блаженным видом, будто шёл на свободу. Вернулся он сияющий и счастливый.

— Меня допрашивали! — Дядя Тибор щёлкнул языком. — Этим горе-следователям никогда не понять, что, хотя у нас и нет дипломов, мы тоже кончали университеты. Только свои. Что знают они о жизни? Какой-то прилизанный капитанишка битый час выспрашивал, как меня зовут, где работаю, откуда родом, состою ли в профсоюзе и в Коммунистической партии. А я знай себе на все вопросы: «Я не Хоргош, я Тибор Рожа из Суботицы». Тогда он позвал переводчика, который задал мне те же вопросы по-мадярски: «Hogy hívják? Mivel foglalkozik? Hol születet? Tagja-e a Szövetségnek? És a kommunista pártnak?» Хотите знать, что я ему ответил?

А то же самое, что капитану: «Я не Хоргош, я Тибор Рожа из Суботицы!» Боюсь, что оба заработали нервный тик.

Около шести вечера в камеру вошёл жандарм и велел мне следовать за ним. Я бросил на дядю Тибора красноречивый взгляд и быстро зашагал по тёмному узкому коридору. Вдруг жандарм остановился, постучал и, гаркнув: «Входи!» — грубо втолкнул меня в дверь.

Прежде всего я увидел огромный письменный стол красного дерева, за которым сидел человек, погружённый в чтение газеты. В нескольких шагах от стола, спиной к двери, стояли мои родители. В первую минуту я страшно обрадовался, но радость моя тут же сменилась страхом, что полиция уже нашла печатный станок. Между тем одного взгляда отца и беззаботной улыбки матери было достаточно, чтоб весь мой страх как рукой сняло.

— Значит, всё семейство в сборе! — сказал человек за столом и, опустив газету, пронзил меня долгим испытующим взглядом, на который я ответил полным равнодушием.

Наконец он встал, улыбнулся и подошёл ко мне.

— Кажется, ты меня забыл. — И повернулся к отцу: — А вы, сударь?

Отец пожал плечами и вдруг изумлённо воскликнул:

— Так это были вы?..

— Значит, вспомнили?

— Да. Вы тот самый жандармский лейтенант, который тонул на Паличе!

— Теперь я капитан! — гордо объявил жандарм и снова воззрился на отца: — Вы, господин Малович, спасли мне жизнь.

— Что ж, — усмехнулся отец. — Человеку свойственно ошибаться!

— А вы шутник, — с кислой улыбкой заметил капитан. — Впрочем, это неважно. Я хочу вернуть вам долг. Вы свободны.

— Хорошо, господин капитан, мы уходим, — сказал отец. — Теперь мы квиты, однако позвольте надеяться, что наша любовь на том не кончится.

— Прощайте! Прощайте, сударь!

Как только мы вышли на улицу, я рассказал отцу всё, что сообщил мне дядя Тибор. Мы поспешили домой.

Дома родители поговорили с бабушкой, а потом мы разобрали станок, разложили его по маленьким ящикам и ночью, с помощью мастера Милана, перенесли в дом на улице Обилича. А на следующий день перебрались на новую квартиру.

Как-то в погожий день отец отдыхал во дворе.

— Гм, просто невероятно! — воскликнул он вдруг. — Раз в жизни дал промашку, и та пошла на пользу! А капитану надо зарубить на носу: не зная броду, не суйся в воду!

ПЯТЬ БЕЛЫХ ПЛАТЬЕВ

Моя мать часто говорила:

— Только бы ещё Лазарь подрос, тогда я буду самая счастливая женщина на свете. Только бы Лазарь подрос...

Она любила грезить вслух. Вот Лазарь подрастёт, пойдёт в школу, она не будет привязана к дому, как теперь, сможет, скажем, сходить в театр. У неё будет белое платье до пят, а у папы — фрак. Слушая её, мы всегда дружно хохотали. Мама не сердилась и, дождавшись, пока мы уgomонимся, продолжала свои фантазии. Но мы обычно прерывали её и просили ещё разок рассказать, как она пойдёт в театр. Уж очень смешным и забавным казался нам её рассказ, а посмеяться мы любили. Мама печально улыбалась и, не обращая внимания на наш хохот, с полной серьёзностью повторяла:

— У меня будет белое платье до пят, а у папы — фрак.

Шло время, и мы всё чаще с грустью думали о том, что мама никогда не пойдёт в театр в таком наряде. Мы были очень бедны, а с приездом бабушки Милицы из Пивы жить стало ещё труднее. Вместо миллиона, который мы по своей наивности надеялись от неё получить, она привезла одну швейную машинку марки «Зингер», которая стояла в углу и только собирала пыль, так как ни мама, ни бабушка не умели шить. Да и шить было не из чего. Большой коричневый колпак поднимался лишь в тех случаях, когда Даша с Миленой шили из лоскутов платья своим куклам или когда бабушка, вооружившись маленькой жестяной маслёнкой, смазывала машинку.

Вид «Зингера» вызывал у всех нас неприятное и мучительное чувство. Как-то раз, взглянув на неё, Лазарь сказал маме:

— Когда я вырасту, я подарю тебе белое платье до пят!

Мама долго смотрела на него влажными от слёз глазами. Все мы сникли и пригорюнились. Каждый думал про себя, как это он сам не догадался пообещать ей такой подарок.

— Ну, а что подарят мне остальные? — спросила вдруг мама с наигранной весёлостью.

Ни одна мать в мире не получала столько подарков, сколько их получила в тот день наша мама. Подарки сыпались на неё как из рога изобилия. Вита посулил ей виллу, я — автомобиль, Даша — самолёт, а Милена — сто шёлковых платьев, двести из парчи, триста тюлевых и...

— Постой! — перебила её мама. — А что я буду с ними делать?

Мы продолжали дарить ей драгоценности, о которых знали только понаслышке. Мама смеялась, благодарила нас, «брала» подарки в руки, рассматривала, восхищалась, но я чувствовал, что в душу ей запал лишь подарок Лазаря — белое платье до пят, в котором она пойдёт в театр, когда он подрастёт.

И вот долгожданный день настал. Мама поднялась чуть свет и затеяла в доме такую возню, что все мы проснулись. Я вошёл в кухню, где она готовила завтрак, и застыл от изумления — передо мной стояла незнакомая красивая женщина без единой морщинки на удивительно молодом лице. Горькая улыбка, придававшая ей какое-то печальное, пожалуй, даже трагическое выражение, куда-то исчезла.

— Что уставился на меня, как телёнок? — спросила мама, как бы прочтя мои мысли. — Не узнал родную мать?

— Я ещё не видел тебя такой весёлой, — сказал я, не скрывая своего восхищения.

— А знаешь ли, мудрец, почему? Мог бы догадаться, умная головушка. Сегодня лучший день в моей жизни... — Она чуть понизила голос, чтобы не услышали дети за стенкой. — Так знай же — я уже несколько лет коплю на белое платье, длинное белое платье... Ах, какая я буду в нём красивая! После обеда пойдём с папой покупать платье, а вечером —

в театр! Будем смотреть «Госпожу министершу»¹ и билеты возьмём не на галёрку, под облака, а в первый ряд партера! Ну, что ты на это скажешь, шут гороховый?

— Думаю, что в белом платье ты будешь очень красивая.

— Дурачок! — Она громко рассмеялась. — Я буду прекрасна, божественно прекрасна!

Оставив маму наедине с её радостью, я вышел во двор умыться. А после завтрака взял Лазаря за руку и повёл в школу.

У ворот мама давала Лазарю последние наставления:

— Сиди на уроках смирно, не вертись, как на иголках, не смотри по сторонам... Понял? И внимательно слушай учителя. Он для тебя бог! Сегодня Драган тебя отведёт, а потом будешь ходить сам. А сейчас ступайте, не то опоздаете. И запомни: слушайся брата!

— Не беспокойся, мама! — сказал я. — Он будет меня слушаться. Правда, Лазица?

— Правда, — подтвердил Лазарь. — Я буду слушаться.

После уроков я ждал Лазаря у школы. Вид у него был унылый и потерянный.

— Никакой он не бог, наш учитель, а самый обыкновенный старикашка. И ещё шепелявый. «Ваши лодители плывели вас ко мне. И холошо сделали. Я сделаю из вас людей». И так всё время. Голова трещит от его болтовни. Давай хоть погуляем немножко!

Я охотно согласился. Тут-то я и совершил большую, непоправимую ошибку. Но разве мог я знать, что прогулка по тихому заштатному городку может таить в себе опасность? В то время на всю Суботицу было три автомобиля — один принадлежал господину Дакичу, народному депутату, второй — богатому торговцу Литману, а третий доктору... доктору... словом, тому самому, что лечил меня от ветрянки, скарлатины и дифтерита.

Постояв немного у городской управы, возле которой резвилась стая голубей, мы свернули направо. Собственно говоря, я собирался идти налево, и тогда не случилось бы

---

¹ «Госпожа министерша» — комедия известного югославского писателя Бранислава Нушича.

того, что случилось; но Лазарю так хотелось пройти мимо булочной Коробоша и хоть одним глазком взглянуть на рабочих, месивших тесто в больших деревянных корытах, что я не выдержал и пошёл направо. Этот хитрец всегда умел подольститься ко мне и добиться своего.

Мы шли по улице, громко распевая всякие песни. Лазарь подцепил пустую консервную банку и, пошвыривая её ногой, то забегал вперёд, то отставал. Вдруг банка подкатилась ко мне, и я увидел на ней улыбающегося негра с большими серьгами в ушах. «Пейте кофе Юлио Мейнл», — было написано на этикетке. «Ладно, запомним», — подумал я и так поддал банку, что она покатилась к противоположному тротуару.

У трамвайной линии я остановился. Лазарь торчал ещё перед пекарней — шагах в двадцати от линии. Это был старый приземистый дом с гипсовыми ангелами на фасаде. Навверху, в доме, помещалась булочная, а в подвале, куда едва проникал дневной свет (днём и ночью там горела электрическая лампочка), была пекарня.

— Пошли, Лазица! — крикнул я. — Пора домой, не то останемся без обеда. Вита, Даша и Милена всё съедят!

Обычно эта угроза действовала на Лазаря безотказно, но на сей раз она не сработала.

Я зашагал к пекарне, полный решимости надрать уши своему обожаемому брату. Он стоял у подвального оконца, просунув голову сквозь решётку, и неотрывно глядел на рабочих.

— Что ты увидел там такое интересное, что оторваться не можешь? — нетерпеливо спросил я.

— Голова застряла! — захныкал Лазарь. — Это самое интересное!

— Не валяй дурака! — Я начал злиться. — Идём, после обеда мне в школу!

Рабочие оставили дело и с интересом воззрились на нас.

— Я не могу вытащить голову! — простонал Лазарь.

— Как же ты её просунул? — удивился я.

— Не знаю... — Лазаря душили рыдания.

Вокруг нас собралась толпа, из булочной вышел газда Коробош.

— Убирайся отсюда! Мешаешь людям работать! — про-
рычал он и, схватив Лазаря за плечи, стал оттаскивать от
окна.

Лазарь кричал благим матом.

— Перестаньте, газда Коробош! — сказал я решитель-
но. — Он и в самом деле застрял.

— Ещё чего? Как пролез, так и вылезет. Иль голова вы-
росла за пять минут?

— Выходит, выросла, — спокойно сказал я.

Толпа вокруг нас всё прибывала. Подошли полицейские.

— Чей парнишка? — спросил один из них. — Кто толк-
нул его в решётку.

Я молчал.

— Сам влез, — сказал газда Коробош.

— Вы здесь работаете? — спросил полицейский.

— Я хозяин! — с достоинством ответил Коробош.

— Так, — многозначительно сказал полицейский и, на-
клонившись к Лазарю, спросил: — Как тебя зовут?

Люди зашумели. Женщина с младенцем на руках высту-
пила вперёд:

— Спасите ребёнка, пока не поздно! Вытащите его отту-
да! А ещё полиция! Им бы только справки наводить, а по-
мочь человеку в беде — не их забота.

Младенец заплакал.

— А вам бы только языком чесать! Заморите ребёнка, —
огрызнулся полицейский и, обернувшись, накинулся на ме-
ня: — А ты что рот разинул? Марш отсюда! Здесь не цирк!

— Я не могу уйти. Это мой брат.

Полицейские попытались было раздвинуть прутья, но они
были толстые и крепкие. Несколько человек из толпы вы-
звались им помочь.

— Ничего не выйдет, — сказал полицейский, отирая со
лба пот. — Какого чёрта поставили такую решётку! Можно
подумать, что в этой халупе не тараканы, а золото! Придёт-
ся послать за слесарем!

— Решётка не с неба свалилась! — взволнованно крик-
нул газда Коробош. — За неё деньги плачены!

— Подумаешь! — сказала женщина с ребёнком. — Не
обеднеете из-за пары прутьев.

— Помолчите, госпожа Панич! — цыкнул на неё газда Коробош. — Вы мне должны сто двадцать динаров. Будете много разговаривать, перестану хлеб в долг давать!

— Экое вы нам делаете одолжение! — не унималась женщина. — Каждый раз присчитываете двадцать — тридцать динаров. И не только нам. Всех обираете. Грабите бедняков.

— Какая наглость! — крикнул кто-то из толпы. — Возвращай им деньги!

— Прекратите шум! — рыкнул полицейский. — А ты бе-

ги домой и приведи взрослых. Эй вы, бездельники, расходись! Расходись, расходись!

— Не дам пилить, пока не заплатите! — крикнул газда Коробош мне вдогонку. — Деньги на бочку — и решётка ваша!

Я рассказал маме о случившемся. Она побледнела и бесильно опустилась на стул. Помертвелыми губами шептала она, что я очень нехороший мальчик, раз могу так грубо и зло шутить над ней, что я несу несусветный вздор, ибо тако-го быть не может. Я стоял, низко понутив голову, не смея взглянуть ей в глаза. Я чувствовал себя кругом виноватым и лепетал в своё оправдание что-то бессвязное.

— Значит, Лазарь в пекарне Коробоша, — отсутствующим голосом сказала мама и пошла в комнату.

Вскоре она вернулась с завёрнутой в шёлковый голубой платок шкатулкой. Она долго смотрела на свёрток немигающими глазами и наконец сказала сквозь душившие её слёзы:

— Здесь мои сбережения. Хотела пойти сегодня в театр в длинном белом платье. Об этом я мечтаю уже много лет... Но, видно, не суждено. Не суждено...

Мы не торгуясь заплатили газде Коробошу, а оставшиеся деньги отдали слесарю. А когда мы пришли домой, мама подарила Лазарю свою заветную шкатулку — для карандашей и перьев.

— Может, это к лучшему, — сказала она, утирая слёзы. — Давно я не была в театре и совсем от него отвыкла. Я уверена, что мне было бы ужасно скучно!

С тех пор прошло много лет. Как-то я навестил мать. Мы сидели на веранде.

— Помнишь ту историю с Лазарем? — спросила она вдруг и засмеялась.

— Да, помню.

— У меня и вправду хорошие дети, — продолжала она с заметным волнением. — Видишь, я никому из вас ещё не говорила этого. Каждый год в день рождения я получаю пять белых платьев.

ПОДАРОК БРАТУ

С тех пор как Рыжий кот поселился на ферме дядюшки Ласло, мы словно забыли о нём. Казалось, он раз и навсегда вычеркнут из нашей жизни. И всё же я постоянно ощущал его присутствие, он был здесь, с нами.

Как-то раз я полез в шкаф за рубашкой и вдруг в гряде белья обнаружил тетрадь для рисования, принадлежавшую Милене. Как она сюда попала? Конечно, не случайно. Но почему Милена прятала самую обыкновенную дешёвую тетрадку для рисования? Что могло в ней быть?

В комнате никого не было, и я решил полистать её. Представь, сынок, моё удивление, когда на первой же странице я увидел кошку, под которой кривыми печатными буквами было написано: «Мой Рыжик». Ещё на нескольких страницах был нарисован Рыжий кот, а потом я увидел толстого человека с противной физиономией. В одной руке он держал кошку, другой крепко сжимал палку. Над рисунком была надпись: «Газда Лайош бьёт моего Рыжего кота», а внизу, под ним, множество раз: «Ненавижу его... ненавижу... ненавижу...» Местами чернила расплылись — это Милена плакала, вспоминая происшествие на ферме Лайоша и печальную судьбу нашего Рыжего кота.

А спустя много лет, когда я был уже взрослым и писал книжки, почтальон вручил мне пакет с пожелтевшей тетрадью и письмом. Едва вскрыв его, я узнал почерк Даши.

Дорогой брат, — писала она, — в детстве я вела дневник, в который заносила все смешные и грустные события той далёкой поры, когда все мы жили под одной крышей. Недавно он попался мне на глаза; и я сразу подумала о тебе: ведь ты пишешь для детей и он мог бы тебе пригодиться. Мне бы очень хотелось, чтоб ты написал что-нибудь о Рыжем коте. Помню, я чувствовала себя глубоко несчастной, когда вы с отцом унесли его к дядюшке Ласло. Я долго думала о том, правильно ли вы тогда поступили, и поверь, до сего дня не уверена в этом полностью. Согласен ли ты со мной?

Многое, сынок, я позаимствовал из Дашиного дневника. Там я нашёл ту историю, которую ты сейчас услышишь.

Как-то раз, придя из школы, Лазарь открыл свой ранец, и оттуда одна за другой выпрыгнули несколько ящериц. Мы ахнули и бросились кто куда: кто влез на кровать, кто на стул, а Вита умудрился даже забраться на шкаф. Мы кричали, ревели, но он невозмутимо стоял посреди комнаты, с восхищением глядя на своих любимиц.

— Вы только взгляните на них! — повторял он каждую минуту. — Ведь они такие красивые!

— Хвосты длинноваты, — презрительно заметила Милена.

— А ну-ка собирай свой зверинец! — сказал я. — Мне надоело стоять на стуле.

— Что здесь происходит? — спросила мама, входя в комнату. — Как сюда попали ящерицы?

— Лазарь принёс, — объяснила Милена.

— Хочешь превратить дом в зоопарк? — крикнула мама. — Сию минуту унеси отсюда этих вертихвосток!

Лазарь отнёс ящериц во двор.

— Милые мои ящерки, милые мои ящерки... — приговаривал он, вынимая их из ранца.

— Любит животных, — сказала мама, глядя на него в окошко. — Видит бог, хлебнём мы с ним горя.

И действительно, не прошло и трёх дней, как мы услышали нетерпеливый стук в дверь.

— Что стучишь? — сердито крикнула мама, полагая, что это кто-то из нас. — погоди, я тебе задам!

Она отворила дверь и в страхе отпрянула назад — перед ней стоял незнакомец.

— Я Милорад Папич, — пробурчал он. — А вы госпожа Малович? Да? Ага! Значит, вы мать этого воришки! Я требую немедленно вернуть мне украденное. Вот как! В противном случае подам в суд. Вот как! Так ловко и дерзко воровать может только хитрый и опытный жулик.

— Послушайте, господин «Вот как»! — вышла из себя мама. — Мы собираемся обедать, а вы колотите в дверь, шумите, и я терпеливо выслушиваю всю эту несурязицу! Можете ли вы, господин Панич...

— Папич, — поправил он.

— Можете ли вы, господин Папич, толково объяснить мне, что вам угодно?

— Конечно. Вот как! Ваш сын украл у меня голубей.

— Мой сын? Какой?

— Вон тот. — Он показал на Лазаря. — От стола два вершка, а уже голубей ворует. И ловко, вот как! Украл у меня лучшую пару, моих любимцев — Предрага и Ненада.

— Вот почему он после школы сразу бежит домой! — сказала мама. — Господин Павич...

— Извините, Папич, — опять поправил её голубятник. — Почему-то все коверкают мою фамилию!

— Не огорчайтесь из-за этого! — сказала мама. — А своих любимцев Предрага и Ненада вы сейчас получите!

Она взяла шумовку и поднялась на чердак. Сверху долго слышался рёв Лазаря, а потом мы увидели спускавшуюся по лестнице маму. Она несла две пары голубей.

— Какие ваши? — спросила она Папича. — Возьмите. А из этих мы сделаем гуляш.

— Прошу вас, сударыня, — сказал Папич, беря своих голубей, — не бейте Лазаря.

— Он уже получил такую трёпку, что больше и не подумает заводить себе ящериц, голубей, орлов или диких коз... А вам, господин Папич, большое спасибо.

Лазарь тяжело переживал потерю голубей. Он перестал есть, бледнел и таял как свечка. Никакие игры и забавы не могли вызвать на его лице даже тень улыбки.

— Леший возьми этих голубей, — вздохнула мама. — И наесться не наелись, только нажили беду!

— Ты думаешь, он всё ещё из-за голубей убивается? — спросил я.

— Из-за голубей, из-за улиток, из-за слонов... Он любит животных, и всё тут. Надо что-то придумать, не то этот упрямец объявит голодовку, как Ганди, на целый месяц.

В это время кто-то позвонил. Лазарь, бывший в сенях, пошёл открывать.

— Кто там? — крикнула мама.

— Почтальон Видое! — ответил Лазарь. Вслед за тем донёсся до нас шёпот.

Мама вышла в сени. •

Почтальон покраснел до корней волос.

— Письмо... — лепетал он в смущении, — нет никакого письма.

— У вас ко мне дело?

— Я, это... мне... Я просто не знаю, как вам сказать!

— Мама, — грустно вымолвил Лазарь и взглянул на маму, — дядюшка Видое хочет подарить мне котёнка.

— Знаете, я обещал вашему парнишке котёнка, когда Фида окотится. Так вот она недавно окотилась... четверо... один лучше другого... Одного я принёс Лазиче.

— Не везёт нам с кошками, — мрачно заметила мама. — Вы уверены, что ваш котёнок станет честным котом?

— Сударыня! — В голосе Видое слышалась обида. — О чём вы говорите? Я вас не понимаю. Этот котёнок будет украшением вашего дома, радостью вашего ребёнка!

— Вы поёте, как коммивояжёр! — усмехнулась мама. — Кажется, я сдаюсь. Вы в самом деле полагаете, что он будет порядочным котом, когда вырастет?

Видое вспыхнул.

— Сударыня, моя Фида — благороднейшее животное сиамской породы! В другой стране за такого котёнка я получил бы целое состояние. В других странах золотом платят за сиамских котят!

— Ну, раз так, — засмеялась мама, — от всего сердца принимаем ваш подарок. Возьми его, Лаза!

Лазарь утёр слёзы и с недоверием воззрился на маму.

— Ты мне разрешаешь взять котёнка? — спросил он после некоторого раздумья.

— Ещё спрашиваешь? Ты что, не слышал, какая это драгоценность? Этот котёнок да бабушкина швейная машинка составят всё наше богатство!

— Ребята! — воскликнула Милена. — Как его назовём?

— «Как, как!» — пробурчал Лазарь. — Конечно, Рыжим котом.

— Но ведь он не рыжий! — засмеялся Вита. — Разве ты не видишь, что он весь белый?

— Эка важность! Я бы и зелёного назвал Рыжиком!

Лазарь поцеловал маму, меня, почтальона Видое, а потом схватил котёнка и с криком: «Рыжик! Рыжик!» — вихрем умчался во двор.

Мы поблагодарили Видое и пошли в кухню. Через открытое окно доносился восторженный голос Лазаря и тоненькое, отрывистое мяуканье сиамского котёнка.

PIROS, FEHÉR, ZÖLD¹

С тех пор как мы переехали на новую квартиру, у нас были вечные затруднения с водой. Просто невероятно, сколько воды в день расходует семья из восьми человек. Наверное, целое озеро. С утра до вечера мы только и делали, что носили воду. А сколько было споров, шуму и препирательств из-за того, кому идти за водой!

— Пусть Милена сходит, — буркнул я, когда мать торжественно объявила, что в доме нет ни капли воды. — Её очередь.

— Что? — вскипела Милена. — Я сегодня уже три ведра принесла.

— Я тоже! — подал голос Лазарь.

— А я уже пять раз ходил, — сказал я. — Бабушка может подтвердить.

— Мне только и дела, что считать, кто сколько ведер принёс, — отозвалась бабушка. — Будет спорить! Драган с Витой — марш по воду! Да поживее.

— Можно, я им помогу? — спросил Пишта.

— Ради бога! — ответила бабушка. — Можешь даже сам принести ведёрка два-три, раз тебе так нравится быть водносом.

У колодца собралась очередь. Первой была какая-то старуха, за ней — двое мальчишек, в хвосте — сыновья мясника Имре Лэнджела, оба низенькие, толстые, с красными, как свёкла, лицами. Я часто видел их в мясной лавке и всегда испытывал неприязненное чувство к этим недоумкам. Но с особенным омерзением я смотрел на них в воскресные дни, когда они шли в церковь — надушенные, напудренные, чистенькие, в одинаковых костюмчиках с бантами и в зелёных панамках — паяцы, да и только!

---

¹ Красное, белое, зелёное (венг.).

— Чем-то запахло! — сказал вдруг старший Ленджел и, сделав несколько шагов в нашу сторону, потянул воздух носом. — Фу! Так это вы портите воздух? Воняете, как дохлые блохи!

Младший Ленджел подошёл к брату.

— И как хорьки! — прибавил он с нескрываемым отвращением.

Стоявшие в очереди мальчишки хихикнули. Старший Ленджел сказал им что-то по-мадьярски, и они разразились диким, злорадным хохотом. Пишта нахмурился.

— Все сербы — вонючие твари! — крикнул Ленджел. — Но скоро Суботица станет нашей, тогда мы вам покажем!

— А я и не знал, что ваш отец такой богач, — засмеялся я. — Собирается купить всю Суботицу?

— Суботица будет принадлежать нам, мадьярам! — вызывающе заявил Ленджел.

— Вы не мадьяры! — гневно сказал Пишта. — Вы просто ослы! Свиньи! Коровы! Вот вы кто!

Старший Ленджел приблизился к Пиште и стал честить его за то, что он говорит на «этом поганом сербском языке». Он обзывал его врагом, предателем, подонком, грозил жестокой расправой за дружбу с нами. Но Пишта даже бровью не повёл. Спокойно и невозмутимо смотрел он на кипевшего от злобы Ленджела.

— Кончай! — оборвал Ленджела один из мальчишек. — С ним мы ещё потолкуем. Он мадьяр, его место с нами. Потешимся лучше над вонючими сербами!

— Правильно! — гаркнул старший Ленджел. — Бей этих гадов!

И все четверо яростно набросились на нас.

— Гнусы! — крикнул я и хватил Ленджела ведром. — Затеяли грязное дело! Ничего у вас не выйдет!

Мы с Витой орудовали ведрами, точно дубинами. Пишта усердно тузил младшего Ленджела. Но силы были неравные, и мы уже боялись за исход сражения, как вдруг к колодцу подошёл Благое, школьный товарищ Виты. Не поинтересовавшись даже причиной потасовки, он тут же бросился нам на помощь. Вскоре противник был наголову разбит и позорно бежал с поля боя, оставив у колодца пустые ведра. Дол-

жен, однако, признаться, что победа далась нам не легко — враг был силен и ловок и здорово разукрасил нас синяками и шишками.

— Ленджел скот, а не мадьяр, — сказал Пишта, вытирая струящуюся из носа кровь.

— Надо спешить, — сказал я. — Ленджелы скоро вернутся с подкреплением. Вита, качай воду! Пишта, держи ведро!

— На кого вы похожи! — воскликнула бабушка, едва заведя нас. — словно с Кóсова¹ идёте. С кем дрались?

Мы рассказали всё, особо подчеркнув храбрость Пишты. Отец глубоко задумался.

— Кто знает, может, нам и вправду скоро придётся уехать отсюда? — сказал он. — Я нисколько не удивлюсь, если разбойники Хорти² на днях войдут в Суботицу. После мартовских событий³ всего можно ожидать. А ты, Пишта, настоящий герой! Наследник Белы Куна!⁴ Иди, сынок, я тебя обниму и поцелую!

Растроганный, Пишта заплакал. Отец ладонью вытер его слёзы.

— Знайте, дети, — сказал он взволнованно, — Пишта поступил смело и благородно. Слушай, Драган, ты вечно что-то маракуешь. Если когда-нибудь будешь писать о теперешних временах, то не забудь упомянуть и Пишту.

— Обязательно упомяну, — засмеялся я. — Он дрался как лев, хотя Ленджел сделал ему из носа гуляш.

— А я из Ленджела сделал каурму!⁵ — сказал Пишта, победоносно выпатив грудь.

После обеда Вита, Лазарь и я отправились в школу. Пишта проводил нас до парка.

¹ Косово — 15 июня 1389 года на Косовом поле произошла битва, положившая начало завоеванию Сербии турками.

² Хорти Миклош — фашистский диктатор Венгрии (в 1920—1944 гг.), палач венгерского народа.

³ В конце марта 1941 года, когда гитлеровцы готовили нападение на Югославию, хортисты выразили готовность принять участие в этом нападении.

⁴ Бела Кун — один из основателей Коммунистической партии Венгрии.

⁵ Каурма — национальное кушанье из мелко нарезанной свиной или бараньей печёнки с рисом.

— Я помирился с преподобным Амвросием, — сказал он. — Сегодня буду чистить колокол. А завтра приду к вам.

Пишта пошёл в церковь, а мы неторопливо зашагали к школе. Когда церковный колокол возвестил начало третьего, в класс вместе с учителем вошло несколько солдат в зелёных мундирах и двое штатских с красно-бело-зелёными повязками на руках. Они выстроились у кафедры и вдоль стены и навели на нас винтовки. Мы смотрели на них, не понимая, что здесь надо солдатам.

— Есть среди вас мадьяры? — спросил один штатский.

Несколько мальчиков встали. Солдат сказал им что-то, и они вышли.

— А вас расстреляем! — обратился к оставшимся тот же штатский. — Сербские собаки!

Он вытащил из кармана пистолет и выстрелил в воздух. Мы в страхе пригнулись к партам. Солдаты расхохотались.

— Кто из вас знает мадьярский? — спросил долговязый штатский.

Физиономия его показалась мне знакомой. Ба, да это газда Коробош!

Я, сынок, не храбрец и всё же встал и спокойно сказал:

— Я знаю. Egy, kettő, három, négy, öt, hat, hét, nyolc, kilenc, tíz...¹

— Хорошо. — Коробош осклабился. — А что ещё ты знаешь?

— Вот: tizenegy, tizenkettő, tizenhárom, tizennégy...²

— Tizenöt!³ — рывкнул Коробош и ударил меня по лицу.

Я залился кровью.

— Теперь вам придётся выучить мадьярский! А этот ваш свинячий язык сотрём с лица земли!

Он подошёл к доске и написал большими буквами:

PIROS, FEHÉR, ZÖLD —

EZ A MAGYAR FÖLD!

(Красное, белое, зелёное —
это мадьярский флаг!)

---

¹ Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

² Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

³ Пятнадцать!

Потом он громко прочёл написанное и сказал:

— Повторяйте за мной! Piros, fehér, zöld... Ну как? Начали! Piros, fehér, zöld... Вы что, немые? Черти полосатые! Piros, fehér, zöld...

Наступила мёртвая тишина. Слышался только глухой гул Коробоша. Мне казалось, что он идёт из какого-то иного мира, из мира, полного страха и ужаса. Щёки мои пылали огнём, но гораздо сильнее жгла меня боль душевная. Я не в силах передать тебе, сынок, всю бездну страданий, мук, скорби и отчаяния, в которую повергла меня эта пощёчина. Я был точно в столбняке. Другие тоже сидели словно окаменелые.

— Всем молчальникам всажу в глотку пулю! — гаркнул Коробош и положил на кафедру пистолет. — Начинайте!

Целый час повторяли мы этот стишок. Губы мои едва шевелились, а из горла вместо слов вырывался какой-то непонятный хрип. Слёзы бежали по лицу и падали на парту. Я осмотрелся — почти все в классе плакали. Вскоре нас вывели во двор, где уже толпились перепуганные малыши.

Коробош влез на стол и заговорил:

— Раз, два, три... Начали: Piros, fehér, zöld, éz a magyar föld! Так! Поздравляю! — цинично сказал он. — А сейчас мы прогуляемся по городу.

Под конвоем солдат и вооружённых штатских фашистов мы ходили по улицам, как похоронная процессия, выкрикивая по знаку Коробоша эти два стиха. Наконец нас привели на площадь перед городской управой. Там происходило нечто страшное. На тротуаре валялись трупы. Чуть поодаль, в окружении солдат, стояли доктор Моисей Сем, дядя Андра, дядя Тибор, мой отец и ещё несколько незнакомых мне людей. Вита с Лазарем бросились ко мне.

— Я боюсь, — прошептал Лазарь. — Я боюсь...

Я молча обнял братьев. Отец заметил нас. «Сынок, ты самый старший, — сказал он как-то на днях. — Если со мной что случится, позаботься о детях. Замени им отца». Я ещё крепче прижал к себе Виту с Лазарем.

— Держитесь! Отец смотрит на нас.

Тут я увидел в толпе местных фашистов мясника Ленджела. Он разговаривал с офицером, и тот одобрительно ки-

вал головой после каждого его слова. По его знаку солдаты схватили доктора Сема, дядю Тибора и отца и, подталкивая их прикладами, отвели в сторону.

— Это разбойники и враги венгерского народа! — громогласно заявил Ленджел. — Сербы с евреями целых двадцать лет глумились над нами. Сейчас мы с ними расквитаемся!

Двое солдат схватили дядю Тибора и потащили к городской управе.

— Разве дядя Тибор еврей? — спросил Лазарь.

— Конечно, нет, — ответил я. — Он мадьяр. Просто Ленджел — гнусный лжец!

— *Éljen Magyarország!*¹ — воскликнул дядя Тибор. — Да здоровствует Коммунистический Интернационал!

Окровавленное тело дяди Тибора упало на тротуар. Среди школьников послышались испуганные крики и плач.

— Молчать! — загремел Коробощ. — Всех крикунов поставят к стенке!

Солдаты подвели к стене доктора Сема. Увидев меня, он смущённо улыбнулся и помахал рукой. Он всегда так махал, когда уходил от нас. Я ждал, что вот и сейчас он перейдёт площадь своими крупными ровными шагами, а завтра зайдёт к нам, чтобы поговорить и поспорить с моим отцом. Я закрыл глаза и стоял так, пока над площадью не прогремел выстрел.

С городской управы шумно взлетела стая голубей и, описав в воздухе круг, снова вернулась на крышу. Опять наступила тишина.

Знал ли я тогда, что сейчас произойдёт? Да, знал, и всё же никак не мог в это поверить, никак не мог представить себе, что отца могут убить. С каким-то шальным упорством я верил в невозможное, ждал великого чуда — вот-вот, казалось мне, отец превратится в невидимку или взмахнёт руками и взмозет, точно птица, в голубую высь. Всё это смахивало на бред; но я так сильно любил отца, что не мог думать иначе.

— Дети! — крикнул вдруг Ленджел, подходя к отцу. — Я хорошо знаю этого человека. Я знаю о нём даже такое, чего не знали его лучшие друзья. Он коммунист, паршивая

---

¹ Да здоровствует Венгрия! (венг.)

красная собака! Но я знаю, что у него пятеро детей. Поэтому господин майор Сигетти великодушно дарует ему жизнь. Что он должен сделать? Только отречься от своих завыральных идей, от своих чудовищных убеждений; он должен сказать, что выходит из Коммунистической партии.

Отец громко рассмеялся.

— Шутить изволите, господин мясник! — сказал он. — У меня ничего нет, кроме убеждений. Без них я был бы совсем нищим.

Майор Сигетти о чём-то спросил Ленджела, тот ответил и снова обратился к отцу:

— Разве вы не любите своих детей? Подумайте о них!

— Только о них, господин мясник, я ещё и думаю!

— В таком случае перестаньте упрямиться. Господин Сигетти тоже готов пойти на уступки. Он вполне удовлетворится, если вы крикнете: «Да здравствует Миклош Хорти!»

— Как бы не так! — не колеблясь, сказал отец. — При всём честном народе? Что подумают обо мне мои сыновья? Я учил их другим наукам, а не рабству и покорности. Так что, господин мясник, ваше предложение для меня неприемлемо. Вам никогда этого не понять! Я не виноват, что вы такой тупица!

Отец разговаривал с Ленджелом, но я знал, что на самом деле он обращается ко мне, Лазарю и Вите.

— Хорошо! — рявкнул Ленджел. — Ведите!

Солдаты вскинули ружья. Майор Сигетти извлёк из ножен саблю, вытянул руку и вдруг быстрым движением опустил её. Солдаты дали залп. Изрешеченный пулями, отец стал медленно опускаться на тротуар. Но в нём тлела ещё последняя искра жизни, он улыбнулся и проговорил с гордостью и неистребимой надеждой:

— Сыны мои...

Ночью мы покинули Суботицу. Перед нами была неизвестность. Надвигались трудные, суровые военные дни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рыжий кот	3
На Тиссе	8
На ферме	13
Осенний рассказ	18
Переезд в город	26
Школа	33
Разлука	41

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рассказ про день рождения	49
Ах, какой день!	53
В гостях	58
Красные и белые	64
Наши родственники	69
Выборы	73
Богатство наше растёт	82
Старый должник	87
Пять белых платьев	94
Подарок брату	101
Piros, fehér, zöld	105

Для младшего возраста

Драгутин Малович

РЫЖИЙ КОТ

Повесть

Ответственный редактор *Г. В. Языкова*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *О. В. Кудрявцева*. Корректоры *К. П. Тягелская* и *М. В. Шварц*. Сдано в набор 16/X 1969 г. Подписано к печати 10/IV 1970 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. (Уч.-изд. л. 6,15). Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 487. Цена 31 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 313.

